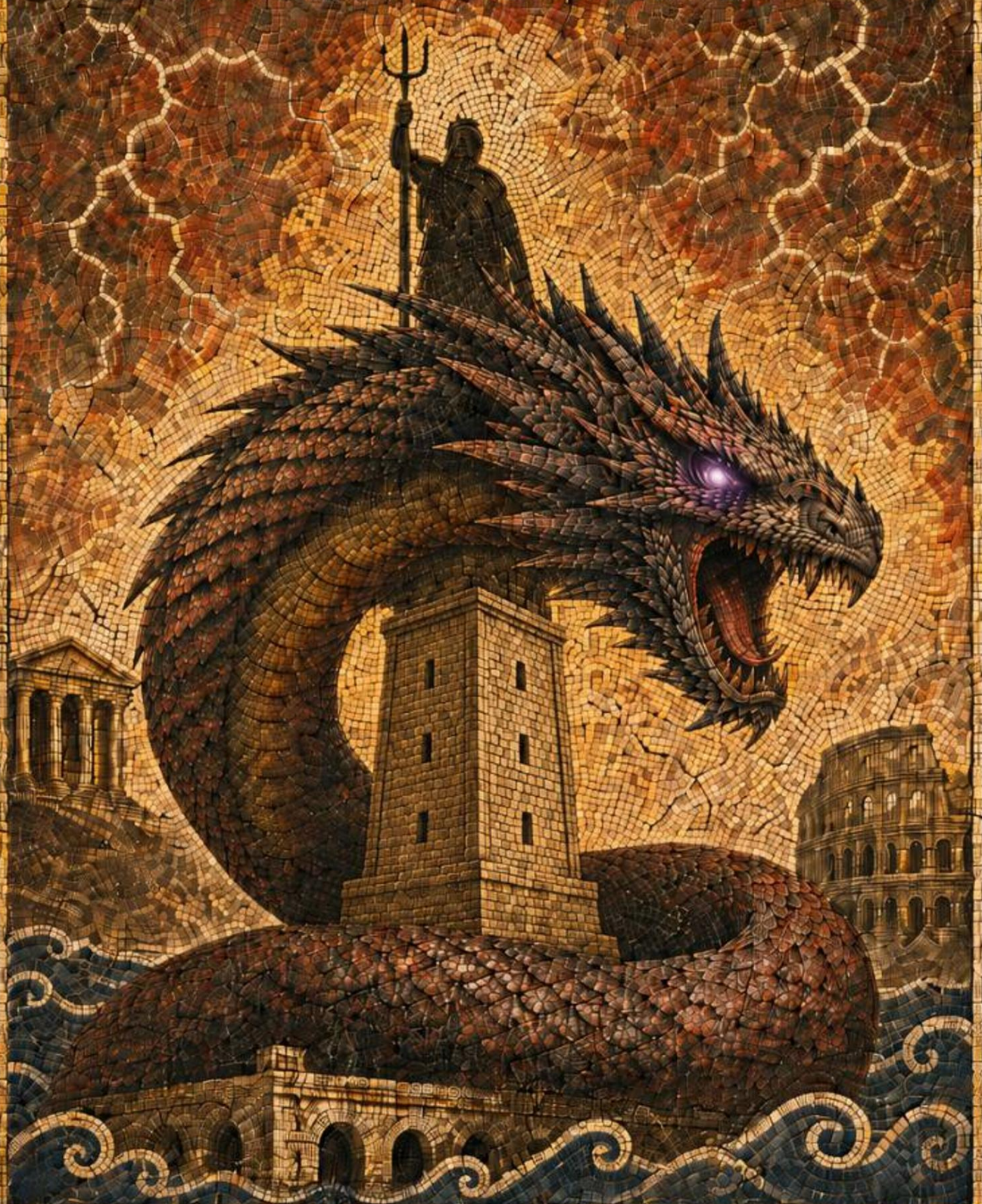

АЛЕКСЕЙ К.

РАКОТИС

18+

Алексей К.

Ракотис

«Автор»

2026

К. А.

Ракотис / А. К. — «Автор», 2026

Александрия Египетская, II век нашей эры. Город, где порок укрыт свитками Великой библиотеки. Чиновник префектуры, привыкший опираться на закон и разум, вынужден вести расследование, которое приводит его в мир тайных культов, политических интриг и ужасающих созданий. И чем глубже он погружается во тьму, тем важнее становится вопрос... Что страшнее – божественный порядок, его крушение или сам человек? Источники вдохновения: У. Эко ("Имя розы"), античная философия и мифология, Г.Ф. Лавкрафт, К. Миура ("Берсерк"), сериал Dark ("Тьма"). Примечание: это роман в жанре темного фэнтези, поэтому он содержит сцены жестокости, насилия и размышления о человеке в мире. Только для взрослых (18+).

© К. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Это пройдет	7
Глава 2. Amor fati	22
Глава 3. Узники в пещере	37
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Алексей К. Ракотис

Пролог

Истина не оправдывает.
Выбор не вознаграждает.
А человек?
Человек идет дальше
и сам платит за каждый свой шаг.

Глава 1. Это пройдет

Отряд легионеров бесшумно окружил старую многоквартирную *insula* (инсулу) со всех сторон, бежать было некуда.

Закутавшись в просторный плащ, я замер у входа в дом, прислушиваясь к шуму внутри здания. Было тихо, стрекотали цикады, в сумерках ярким солнечным огнем горело все вокруг. В руке приятно тяжелел *rugio*, римский кинжал. Откуда-то из глубины дома доносились то ли стоны, то ли всхлипы, точно не разобрать. Значит времени осталось мало...

Рукой я дал знак *desapus* (декану) Секунду приготовиться к атаке. Десятник кивнул мне в ответ. Все было готово к штурму, счет шел на минуты. Мое волнение и страх выдавал пот на моих ладонях, но позорной для римлянина дрожи в коленях удалось избежать. Достижение для человека, больше похожего на переодетого писца, чем на воина.

Больше всего меня мучил вопрос: справлюсь ли я со своей миссией? Особенно если мы найдем то, что ищем.

В Александрии Египетской жалобы на исчезновения простолюдинов давно стали рутинным делом. В этом городе четырех народов (египтяне, греки, сирийцы и римляне, а еще есть персы, индийцы, евреи и многие другие), плавильный котел работал круглосуточно — не только в культурном, но и в буквальном смысле, перемешивая судьбы людей днем и ночью.

Империи приходили и уходили, менялись эпохи и владыки, но цена жизни простого человека по-прежнему была невелика.

Именно поэтому единственным надежным способом подняться со дна и завоевать уважение в обществе была служба императору — военная или гражданская.

О службе в армии мне пришлось забыть — подвело зрение, несмотря на надежды отца, бывшего *primipilus* (примипила), первого центуриона легиона. Зато науки давались мне легко, и *pater familias* (глава семейства), к счастью, поддержал мои стремления к знаниям, наняв хороших учителей.

Поэтому после получения образования в Александрийском Мусейоне и случайных заработков в судах, я остановил свой выбор на пути чиновника в римской префектуре, что означало сытую жизнь взамен самоотверженного служения империи.

Усердие, лесть и благосклонность Фортуны всего за три года, в начале четвертого десятка лет, вознесли меня на пост старшего помощника префекта Египта — головокружительный взлет для провинциала вроде меня.

Ирония судьбы: едва достигнув высот, я тут же получил в работу это гиблое дело по расследованию исчезновений, масштабы которых нарастали.

И, конечно, я не мог и предположить, что все закрутится именно так: где-то в подворотне, командуя отрядом из десяти бойцов, мне придется столкнуться с порождением иных миров, а не с очередным казнокрадом или контрабандистом.

На секунду я замешкался, но опытный командир Секунд заметил это.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Все нормально, — сказал я, машинально сжимая яшмовый талисман на шее; казалось, что камень грел кожу, — пора начинать.

Обнажив короткий римский меч — гладиус — Секунд выкрикнул традиционный боевой клич римлян:

— *Porro* (Вперед)! — и я ринулся внутрь, в неизвестность, оставив свои страхи позади. Бессмертные боги, как же я ошибался!

Резкий кисловатый запах крови я почувствовал еще до того, как факелы осветили багровые следы, растянувшиеся по каменному полу и тянувшиеся вверх по ступенькам. Задыхаясь,

я взбежал по лестнице, неожиданно вырвавшись вперед. Под ногами хрустели кости, к подошвам калиг прилепилась какая-то отвратительная слизь, мешавшая шагать.

Добежав до холла второго этажа и распахнув дверь, я почувствовал отвратительное злое.

Просторный зал был завален мертвецами. Тела лежали всюду, одни — высохшие и истощенные, другие — распухшие от гниения плоти. Дыхание смерти, словно после жестокой битвы, царило здесь.

Но зрелище, что предстало перед нами дальше, в атриуме, сложно описать словами, ибо страх цепью сковал нас. Даже командир Секунд, ветеран многих кампаний, застыл на месте, потрясенный.

В центре атриума полусидя-полулежа находился юноша лет семнадцати. Его кожа была белая, как мрамор, но он, по-видимому, был еще жив. За плечи его держало обнаженное существо женского пола, отвратительно-прекрасное в своем воплощении.

Белая кожа этого создания была испещрена непонятными, нечитаемыми символами, а голову венчали три нароста: два массивных рога по бокам и острый гребень посередине. Массивные перепончатые крылья существа были напряжены и расправлены, словно готовые к полету. Оранжевые миндалевидные глаза в свете факелов горели ярким пламенем, а на лице застыла гримаса удовольствия.

В этот момент существо пило кровь из шеи юноши, тело которого содрогалось в конвульсиях. Завидев нас, оно сверкнуло глазами, бросило жертву и повернулось в нашу сторону.

Тело юноши безжизненно упало на пол, раздался приглушенный стон несчастного.

«Он жив!» — подумал я.

По гладким щекам чудовища стекала кровь. Позади мелькал длинный хвост с кисточкой на конце, извивавшийся, как у встревоженной кошки. С отвратительной усмешкой оно облизнуло свои щеки длинным, змеевидным языком, затем откинуло голову назад и разразилось глубоким, гортанным смехом, похожим на ослиное бляенье, полным издевки и злорадства.

Машинально я отметил, что у существа будто не было ушей, хотя, возможно, они скрывались где-то за рогами.

— Эмпуса, — прошептал в ужасе один из бойцов на греческом.

— Эль-Наддха, — прохрипел другой легионер, смуглый египтянин.

Существо продолжало хохотать, и я почувствовал, как меня парализует страх, но не страх смерти, а осознание того, что передо мной стоит нечто, что выходит за пределы обычного понимания, чуждое человеку порождение иных миров. Пылающий взгляд существа впился в меня жадно, с интересом, словно в следующую жертву.

Я попытался шагнуть назад, но ноги словно приросли к полу. В пульсирующей голове возникло инстинктивное желание убежать, однако где-то внутри я с удивлением ощутил странное притяжение к этому существу.

Оно обратилось ко мне и я заметил как крылья существа слегка дрогнули, наливаясь кровью.

— *Quid tibi opus est?* (Что тебе нужно)? — нараспев произнесло существо на чистой латыни, и голос, сочившийся ядом, был обманчиво сладок.

Я был не в силах ответить. Казалось, что это существо воплощало в себе мои самые глубокие страхи и желания...

Впрочем должно быть так оно соблазняло своих жертв перед умертвием. Вот почему ему удавалось скрываться почти у всех на виду так долго...

— Ты пришел за ним? — вновь обратилось оно ко мне, указав когтистым пальцем на безжизненное тело юноши.

Но я будто набрал воды в легкие, и вместо ответа выдал какое-то невнятное бульканье. Я попытался вновь что-то произнести, но потерял дар речи. Глаза выползли из орбит, а слюна побежала по подбородку, как у умалишенного.

Существо ухмыльнулось снова, и на этот раз угрожающе.

— О, какие вы забавные, смертные. Наивные, как овечки, — его голос стал более низким, почти гортанным, — но, к вашему несчастью, я не ваш пастух и не ваш хозяин, — существо ослепительно улыбнулось, — я — ваша судьба.

— Нет, ты не *Fatum*. Ты просто мерзкое Гекатово отродье, — прохрипел Секунд, стоявший позади.

Я повернул голову и взглянул на него. Он быстро кивнул в ответ. Хвала богам, что чары эмпусы на него не подействовали.

Услышав имя праматери, существо вздрогнуло. Ее кожа заиграла всполохами: от мраморно-белых до фиолетовых, от фиолетовых до розовых и, наконец, черных — как у караки-тицы, готовой к смертельной схватке. Глаза налились кровью, вспыхнули алым, а зрачки разрослись до бездонных провалов.

Расправив крылья, вытянув хвост и выгнув спину в ленивом кошачьем движении, эмпуса замерла, готовая к прыжку.

— В бой, воины Марса! — проревел Секунд.

Легионеры переглянулись. В свете факелов лица солдат превратились в маски, за которыми прятался лишь страх. Они сражались с варварами, персами, пиратами и даже с мятежными римлянами, но никогда — с порождением мифов, дитем темной богини, Гекаты.

Видя замешательство, Секунд первый бросился в атаку, молниеносно нанеся ловкий колющий удар туда, где у чудовища должно было быть сердце. «Смерть одна для всех» — мелькнуло у меня в голове. Меч вошел в тело порождения тьмы и из раны тут же хлынула черная кровь.

Легионеры, пристыженные храбростью командира, бросились в бой.

Одного такого удара было достаточно, чтобы убить рослого гладиатора. Но эмпуса ловким движением мощных крыльев разметала бойцов в стороны.

Кровь сочилась из раны существа. Обнажив острые зубы, она расхохоталась. Я стоял, сжимая кинжал. Ноги не слушались. Я понял, что она прекрасно оценила ситуацию и сейчас бой превратится в бойню. Тогда я прохрипел:

— Бегите!

Но было поздно. Раскинув крылья, она бросилась на ближайших бойцов. Первый удар отбросил Секунда в толпу его же товарищей, и те рухнули на пол, устланный телами жертв. Вторым взмахом она снесла голову другому бойцу вместе со шлемом; та покатила по каменным плитам, вращаясь, словно волчок. Из шеи хлынул фонтан крови.

Кто-то закричал и кинулся к двери — но тварь одним прыжком взмыла вверх, приземлившись у выхода. Мощный взмах крыльев погасил почти все факелы вокруг, кроме моего. Зажатый в левой руке, он все еще освещал эту бойню.

В ушах стояли крики солдат и хруст ломающихся костей. Через несколько секунд все было кончено. Легионеры превратились в мертвецов. Я застыл от ужаса, не в силах пошевелиться. Тварь остановилась, медленно повернула голову и ухмыльнулась. Ее взгляд пригвоздил меня к земле, как хищник — жертву.

В одно мгновение она прыгнула, и вот уже стоит передо мной — шипит, скалится. Мы оба с головы до ног забрызганы кровью павших.

Белое тело эмпусы застыло в полуметре. Мышцы натянуты как струны кифары. На мгновение — эта мысль показалась мне безумной уже потом, как все закончилось — я подумал, как она прекрасна... Пусть за спиной расправлены отвратительные кожистые крылья, пусть из рук тянутся когти, а на голове торчат три рога — в ее облике было что-то божественное.

Кровавый идол предстал передо мной.

Я застыл как зачарованный, не в силах отвести взгляд. Теперь я понял, как эмпуса заманивала жертв: чудовищная, гипнотическая красота, рожденная Тартаром, притягивала мужчин как маяк заблудшие корабли. Притворяясь женщиной, она соблазняла их, приводила сюда, убивала, выпивала кровь и пожирала тела.

Совершенное демоническое тело было совершенной смертельной ловушкой.

Я стоял, борющийся со страхом, скованный гипнозом. Свет факела выхватывал из мрака искаженные лица убитых людей. Воздух был пропитан кисло-сладким смрадом крови, пота и внутренностей, вонь была невыносима. Внутри все кричало: «Беги!», но я не мог пошевелиться. Когти смерти нависли надо мной, словно топор палача. Зубы твари были в считанных сантиметрах от моей шеи.

Казалось, это конец. Эмпуса подняла лапу — одного удара хватило бы, чтобы переломить мне хребет и отправить душу в *Regnum Mortis* (Царство смерти).

И вдруг я ощутил — нет, мы ощутили — что воздух изменился. Будто весы Юстиции качнулись в мою сторону, и сама Фортуна в последний миг бросила на чашу моей жизни новый груз.

Не сегодня.

Эмпуса издала хриплый визг и схватилась за голову. Уши заложило. В груди и на шее дико загло — моя серебряная цепочка с яшмовым медальоном раскалилась, будто рабское клеймо. Оцепенение спало. Внутри вспыхнула сила, очертания вокруг стали резче. Казалось, что сам *Logos* (Порядок) повел меня.

Что есть мочи я ткнул эмпусе факелом прямо в лицо. Ожог зашипел на щеке, и желтые глаза чудовища расширились от ужаса. Всякая гипнотическая связь исчезла. Вместо того, чтобы ударить меня, тварь попятилась назад, споткнулась о тело и рухнула на спину.

Медальон обжигал кожу. Засунув руку за воротник, я сорвал его с цепочки и, повинувшись инстинкту, метнул в эмпусу. Ее визг был невыносим; как побитая собака, она отползала к стене, расталкивая тела. Ее крик разнесся по всему Адрианову кварталу. Выронив факел, я зажал уши и зажмурился.

Взрыв. Невидимая сила отбросила меня к стене. Я ударился головой и провалился в блаженную тьму.

На месте твари осталась лишь горсть белого пепла, а в нем — кусочек яшмы, мерцающий кровавым светом.

Я очнулся с жуткой болью в голове. Взгляд расплывался, все двоилось, будто сам Геркулес огрел меня палицей по затылку. Приподнявшись на койке, я посмотрел по сторонам.

Моя лежанка находилась в небольшой комнатушке. Под потолком зияло небольшое окно. На полках лежали склянки и сосуды, вдоль стены на крючках висели хирургические инструменты. Льяная повязка туго сжимала голову.

— Ясно, — подумал я, хотя мысли с трудом приходили в порядок, — значит я жив и нахожусь в Александрийской медицинской школе...

Наверное я сказал это вслух, поскольку рядом раздался чей-то мягкий мужской голос.

— Да, мой друг. Вы в Храме Асклепия. В Азии меня учили: Асклепию не нужен храм. Всякое убежище, где лечат больных и нуждающихся, является его святилищем.

В комнату вошел невысокий мужчина средних лет в длинном белом хитоне. Короткие кудрявые темные волосы с проседью оттеняли глубокие серые глаза, взгляд которых был проныцателен и мягок, но при этом цепок, словно человек отмечал лишь важное и необходимое.

В нем было нечто тревожное: такой взгляд бывает у воинов, врачей... И убийц. Но мягкая походка, а также уверенные движения рук, ловко перебирающие приборы на столе, подсказали мне, что это все-таки врач. Возможно, врач военный.

— Спасибо доктор, — сказал я, — долго ли Гипнос вел меня обратно на Землю?

— Два дня, — нахмурился врач, — честно говоря, я не был уверен, что вы очнетесь. Мы сделали, что могли, но дальше решали боги. И они решили вернуть вас.

— Могу я попросить воды? — только сейчас я ощутил, как горит горло.

— Конечно.

Он протянул мне небольшой кувшин. Я мигом осушил его и перевел дыхание.

— Спасибо. Как вас зовут?

— Гален, — он чуть смутился от звуков своего имени, но тут же продолжил, — я прибыл в Александрию всего несколько дней назад по просьбе префекта Египта. Позавчера приступил к работе. В тот же день мне принесли троих раненых. Среди них были и вы.

Конечно, я слышал о Галене. В Александрии давно шептались о греческом враче, чьи методы поражали даже выдавших виды медиков. Он был не просто лекарем, а ученым на службе Рима: знатный род, образование, языки, долгие странствия по восточным землям в поисках знаний.

Позже я узнал, что для него эти две науки были неразделимы: как говорил сам Гален, хороший врач обязан быть ученым, а великий — еще и мыслителем.

Но сейчас было важнее другое: он поведал мне о выживших.

— Подождите... Кто-то еще жив? — в сердце екнуло, пульс застучал в висках.

— Да. Тот юноша, которого вы искали. Он потерял много крови, но выжил. Родители уже забрали сына домой. Они опасаются, что его снова могут похитить. Завтра я навещу его.

Я почувствовал горькое облегчение, хотя голова пульсировала болью, а тело ныло. Жертвы не были напрасны. Но сколько жизней можно было бы спасти, если бы поиски начались раньше? Такова жизнь: пока беда не дойдет до верхов, никто не шелохнется.

А будь я чуть расторопней с расследованием... Но теперь уже ничего не изменишь.

— А кто еще спасся... Господин? — спросил я, опершись локтем о кровать. Резкая боль пронзила спину, и я невольно скривился.

— Командир... Кажется, его зовут Секунд. Получил перелом, но идет на поправку. Его уже навестили товарищи из центурии, и он успел рассказать им, что видел. Второй день ходят слухи о ваших подвигах, — Гален взял с полки сосуд с густой темно-зеленой жидкостью, встряхнул его и протянул мне, — выпейте. Настойка из цизальпинских трав восстановит силы.

Усилием воли я приподнялся и осушил сосуд. На вкус зелье напоминало гарум, смешанный с дрянным иллирийским вином и козым молоком. Я поперхнулся, но выпил все до конца. Слегка улыбнувшись, доктор убрал сосуд на полку.

— А что с местом, где эмпуса терзала своих жертв? Чьи это были тела? — спросил я.

— Об этом вам расскажет префект. Он хотел навестить вас. А мне пора к другим больным. Завтра я зайду снова.

Гален вышел из палаты, не попрощавшись. Не вышел, а *скользнул* дальше по коридору — почти бесшумно.

«Словно один из агсанус (арканов) — легендарных агентов-убийц на службе императора», — подумал я.

Люди давно шептались о них, но никто не мог ни доказать, ни опровергнуть их существование. Одни утверждали, что арканов распустил еще Веспасиан после года четырех императоров. Другие считали, что роспуск был лишь прикрытием, и убийцы по-прежнему служат принцепсу день и ночь. Истину не знал никто.

Я уронил голову на мягкую подушку из гусиного пуха и закрыл глаза. Как бы ни был искусен греческий врач Гален, лучшим лекарством оставался сон.

Хотя эхо минувшей бойни отравляло мой разум, снадобье Галена позволило мне выспаться. А на следующий день ко мне явился сам префект Египта — наместник августейшего Марка Аврелия, правивший провинцией от имени императора.

Вес этой должности был настолько велик, что обычно наместника меняли каждые четыре года, а порой и раньше, чтобы не допустить роста амбиций и влияния у человека, в чьих руках сосредоточивалась столь огромная власть.

Впрочем, Гай Кальвизий Стациан стал исключением из этого правила. Как и его предшественники, он происходил из всаднического сословия — традиции, введенной Августом, дабы держать Египет под прямым контролем и ограничить власть Сената.

Однако, в отличие от своих предшественников, он не был военным. Будучи по профессии юристом, он начал с низших должностей в Риме, но проявил себя и вскоре был замечен императором, после чего его карьера резко пошла вверх.

Гай Стациан не искал единоличной власти и не стремился к лаврам победителя, что выгодно выделяло его на фоне честолюбивых конкурентов. Поговаривали, что Марк Аврелий ценил в нем и иное — умение удерживать хрупкий баланс в многоязычном и многолюдном Египте, регионе со сложной и глубокой историей.

И не без основания — Стациан был умен, понимал особенности Александрийского плавленного котла, прекрасно знал иврит, греческий и египетский языки.

Когда я поступил к нему на службу, мне трудно было поверить, что во главе провинции действительно стоит человек, достойный своей должности — словно из времен самого Цезаря Августа. Если бы наместником оказался кто-то другой, то я, возможно, никогда не связал бы судьбу со службой в префектуре.

Я предпочитал служить тем, кого считал выше себя — характером, умом или опытом. Быть под началом злого или, что еще хуже, глупого начальника — врагу не пожелаешь. Иначе говоря, найти такого человека было удачей для Рима.

А значит, Фортуна благоволила и мне.

— Vos saluto (приветствую вас), — сказал префект, входя в мою палату. Он зашел один: два его рослых телохранителя-германца остались караулить у дверей, остальные бойцы дежурили вокруг медицинской школы.

Стациану было около пятидесяти. Кудрявые седые волосы были аккуратно подстрижены, на темени блестела залысина. Близко посаженные карие глаза придавали лицу слегка удивленное выражение. Прямой нос и выправка выдавали в нем римлянина до мозга костей, словно ожившую статую полководца прошлых времен. На нем была анатомическая кираса — признак высокого ранга носившего — и синий плащ. В руке он держал командирский шлем с синими перьями.

— Salve (приветствую)! — ответил я и попытался приподняться, чтобы встретить наместника, но сморщился от боли.

— Лежите, — остановил меня Стациан, — как самочувствие? Гален уверяет, что скоро вы встанете на ноги... Похоже, что слухи о его талантах правдивы, — улыбнулся он.

— Спасибо, мне уже лучше, — сказал я, — пара дней и я вернусь к службе.

— Не спешите. Работы у вас прибавится.

С этими словами он сунул руку за пояс и достал небольшой красный камень, протянув его мне:

— Должно быть это ваше.

Я сжал его в ладони. Яшма, обломок от моего медальона... Греки писали, что всякая нечисть боится ее, как огня. Наверное, именно она спасла меня... И как я сразу не догадался! Если бы я снабдил такими талисманами весь отряд, никто бы не погиб...

Мои мучительные мысли прервал голос Стациана:

— Расскажите мне, что произошло в той инсуле, — в его тоне звучал приказ, а не просьба, — от начала и до конца. Это не терпит отлагательств: я хочу знать, что творится в моем городе.

Префект подвинул стоящий рядом стул, положил шлем на стол и сел рядом. В его взгляде читалась тревога — не безысходность, но напряженное ожидание.

Я начал с самого начала, как того требовал префект, хотя многое ему и так было известно.

Два месяца назад на префектуру обрушился поток жалоб о пропавших людях. Исчезновения случались чаще всего в темное время суток, но порой происходили и среди бела дня. По приказу префекта ночное патрулирование города усилили вдвое, однако это не дало результата. Проверки невольничьих рынков по всему Египту тоже оказались пустыми — пропавшие на продаже отсутствовали.

Стоит понимать, что в Египте, что в империи похищения бедняков ради продажи в рабство были делом обычным, но теперь ситуация напоминала эпидемию. Только за последний месяц исчезли более ста человек — в основном рабы и вольноотпущенники. Хозяева и родственники негодовали, город начал роптать.

Префект понимал: нужно действовать. Он уже склонялся к необходимости ввести в городе военное положение, было даже подготовлено прошение императору Марку Аврелию, несмотря на то, что император вел изнурительную войну с германцами и сарматами. Но вмешался случай.

Так, в один из дней пропал юный Марк, младший отпрыск знатного рода Петрониев, известных как в Риме, так и в Александрии. Его отец, Марк Петроний Мамертин, когда-то командовал преторианцами при Антонине Пие и управлял Египтом, а теперь жил в почетной отставке на своей вилле. У него было два сына, младший из которых пропал среди бела дня при возвращении из Александрийской библиотеки, при этом его телохранитель и раб также пропали без следа.

Расследование исчезновения юного нобилия поручили мне, и действовать нужно было немедленно. Задача такова: если в течение суток я не выйду на след, то в городе введут военное положение. Дальнейшее промедление грозило не только народными волнениями, но и куда более опасным фактором — недовольством элиты.

Петронии обладали огромным влиянием и в Риме, и в Александрии. Сместить префекта Египта за неспособность поддерживать порядок в столице провинции для них было делом трудным, но посильным. А уж устроить мелкие провокации, беспорядки — тем более.

В свою очередь потерять патрона было не в моих интересах. Не для того я так долго добивался должности и положения, чтобы лишиться всего в одночасье из-за обиды могущественного семейства.

«Сколько царей, базилевсов, шахиншахов и фараонов считали, что они правят миром, но теперь они не более чем пыль на полках с папирусами? Не говоря уже о богачах» — думал я, поднимаясь по ступенькам лестницы, ведущей к шикарной вилле Петрониев.

Я шел один, на мне была простая кремовая туника с капюшоном, на плече висела кожаная сумка с приказами префекта и всем необходимым, а на поясе приятно тяжелел верный кинжал (pugio) на всякий случай.

Вскоре показался перистиль. Центральный двор виллы поражал великолепием. В его середине бил фонтан: изо рта бронзового дельфина вырывалась струя воды, а вокруг, словно в танце, кружили полуобнаженные морские нимфы — океаниды. Четыре клумбы с цветами, расположенные по всем сторонам света, завершали композицию. Даже дикое сердце варвара дрогнуло бы перед такой красотой.

«Много ли останется от этого богатства через 100 лет? Прокуют ли его потомки, или сохранят, преумножат? Или виллу отберет новый император и передаст другому, более лояль-

ному нобилию?» — видимо, я сказал это вслух, потому что старый седой грек в сером хитоне, управляющий поместьем, провожавший меня, ответил задумчиво:

— Πάντα ῥεῖ (все течет).

— Да уж, — кивнул я, — memento mori (помни о смерти). Закон, которого не отменит ни один властитель Рима.

Мы миновали сад и подошли к двухэтажному корпусу. На первом этаже находились кабинеты, кухня и хозяйственные помещения, на втором — покои хозяев.

— Отведите меня в покои пропавшего, — потребовал я.

— Это невозможно без разрешения господина, — испуганно произнес грек.

— Я здесь по поручению префекта и веду расследование похищения, — раздраженно сказал я, — если ваши хозяева узнают, что единственный шанс спасти их сына был упущен из-за вас... Какова будет ваша судьба?

Лицо слуги приобрело испуганное, даже паническое выражение, и без того потный лоб покрылся испариной. Мне даже стало жаль беднягу. Но что я мог?

Каждая секунда отнимала у нас шанс найти юношу живым. Единственным способом выйти хоть на какой-то след был осмотр его покоев. Стража лишь заглянула туда, но не досматривала и тем более не обыскивала их — а ведь именно в покоях могли скрываться зацепки, те самые *indicia*, как говорили римляне.

Вскоре я вошел в *domus* наследника. Комнаты оказались именно такими, какими можно было ожидать у отпрыска богатого рода. Белый мрамор сиял, отражая свет, позолота покрывала ореховую мебель. По углам стояли бронзовые и терракотовые статуи — олимпийцы соседствовали с египетскими богами, словно два мира объединились в этих стенах. На постаментах глядели мраморные бюсты прежних владык Рима: Антонина Пия и Октавиана Августа.

Я тщательно осмотрел помещение, но ничего интересного не нашел. Следов борьбы не было. А если они и были, услужливые слуги, к несчастью, уже все прибрали до последней пылинки.

Наконец я добрался до спальни и кое-что нашел.

Стены помещения были расписаны яркими фресками с двенадцатью подвигами Геракла, но это словно нарочно отвлекало внимание. И да, любопытное действительно открылось чуть выше: на полке над широкой двуспальной кроватью лежало небольшое деревянное зеркало. Я взял его в руки.

На обороте была вырезана роза — знак, не оставлявший сомнений в его происхождении. Рядом блеснули несколько серебряных *spintria* (спинтриев) разных номиналов — монет, которыми расплачивались в лупанариях — борделях, которых, конечно, было полно и в Александрии.

Вот она, суровая правда: утопающий в деньгах юноша, надежда рода, предпочитал проводить время отнюдь не в библиотеке или храме.

«Кто бы мог подумать?» — усмехнулся я.

«Александрия — город философов и проституток» — говорил мне мой дед, когда я отправился учиться сюда из родного дома в далекой Македонии, — «подражай первым и держись подальше от вторых. Не перепутай», — шутил он. Его слова были точно к месту.

Одолжив у хозяев быстрый *cisium* (легкая двухколесная повозка с возницей), я незамедлительно направился на поиски дальнейших следов пропавшего юноши, взяв путь на северо-восток города — второго по красоте во всей империи, и, пожалуй, самого контрастного по своей сути.

Быть может Александр Великий не смог покорить Ойкумену — весь известный мир — но его замысел объединить Восток и Запад, кажется, был осуществлен здесь, в городе, названном его именем.

По широким мощеным улицам, как воды Нила в половодье, спешили по своим делам люди всех оттенков кожи: греки в гиматиях, римляне в тогах, египтяне в льняных схенти; рядом сутились шустрые сирийские купцы, ловкие нумидийские наездники, юркие арабские караванщики; чеканили шаг рослые эфиопы, молчаливые иберийцы, шумные галлы и суровые германцы.

Пожалуй, лишь сам великий Рим мог обойти Александрию в объединении всех и вся.

Сначала греческие, потом и римские властители всячески поощряли этот синкретизм непохожих друг на друга культур в один общий кипящий котел.

Повсюду то и дело встречались невероятные пары: смуглый нумидиец шел рядом с белокожей гречанкой, высокая эфиопка шла под руку с приземистым латинянином, а могучий германец — с хрупкой египтянкой. Что удивительнее, повсюду виднелись живые свидетельства таких союзов — дети, весело щебечущие на всех наречиях империи.

Отпустив извозчика, я отправился пешком по улице в центре вечерней Александрии. Слева блестело озеро Мареотида, справа — александрийская бухта. Вдалеке виднелся величественный Φάρος (Фарос) — так жители города называли свой знаменитый маяк, одно из чудес света. Ночью его пламя, усиленное хитрой системой зеркал, было видно за многие мили от берега.

Уже вечерело, гул толпы стихал, женщины спешили увести детей домой. Лавки торговцев и ремесленников, выкрашенные в яркие цвета, закрывались одна за другой. Двери жилых домов запирались. В темных переулках заскользили подозрительные тени. По улицам зашагали вигилы (стражи) с копьями и овальными щитами наперевес, занимая свои ночные посты.

Нельзя сказать, что после заката в городе было смертельно опасно, но назвать ночные улицы Александрии защищенными от пьяных хулиганов и уличных преступников было сложно. В другое время я бы и сам не задержался на улице и отправился домой, но у меня было важное задание и отступить было никак нельзя.

Найденные улики привели меня в «квартал любви» — еще одно место, где смешивалась вся империя. Здесь работали женщины со всех концов света: не только рабыни, которых на скользкую дорожку столкнула нужда, но и свободные вдовы или даже разорившиеся аристократки, обслуживающие представителей элиты.

Лупанарии не знали сословных различий: их посещали бедняки и богачи, рабы и вольноотпущенники, всадники и сенаторы, коренные горожане и паломники из дальних провинций. Разница была лишь в цене — а значит, и в качестве услуг.

Я сразу направился в «VII+XIII» — самое известное и дорогое заведение подобного рода в городе. Только туда мог направиться отпрыск из богатой семьи.

Его название было многозначным. Для греков и римлян число семь символизировало удачу, а для египтян ее приносило число тринадцать: так подчеркивалось единство двух культур.

Кроме того, в лупанарии было ровно двадцать комнат — по числу побежденных Римом стран и племен, каждая из которых была оформлена в соответствующем стиле, дабы клиент мог ощутить себя покорителем Карфагена, Галлии, Греции или иной включенной в состав империи страны.

Работали здесь и девушки, и юноши, обученные всем премудростям плотской любви, и запись к ним велась за две недели вперед, если только у клиента не было связей. Символ заведения — алая роза — был известен даже за пределами Александрии. Впрочем, это неудивительно: «VII+XIII» давно стало *sui generis* (своего рода) достопримечательностью города.

У входа в лупанарий стоял охранник — иссиня-черный эфиоп ростом с ὄρουιά (оргию) и огромной дубиной на плече. Гигант смотрел исподлобья, внушая страх одним своим видом. Я поздоровался с ним по-египетски. Он осмотрел меня, не проявив интереса к сумке с папирусами и документами, но отобрал мой *pugio* и сразу пропустил внутрь.

За красной деревянной дверью меня сразу окутал теплый полумрак. Воздух был густ от ароматов ладана, розового масла и мускуса. На стенах были изображены фрески, изображающие любовные сцены всех вариаций, от привычных до запретных. Каменные изваяния интимного характера, украшавшие ниши, были отполированы так, будто их касались тысячи рук.

Где-то из-за стен доносились приглушенные стоны — музыка плотской любви, темп которой отбивали монеты, брошенные у алтаря Венеры.

Приемная была оформлена в багровых тонах. Свет от масляных ламп колыхался, бросая живые тени на стены. За столом сидела молодая скриба (администратор) — стройная египтянка с серьезным лицом. Ее взгляд был холоден и профессионален, как у писца в нашей префектуре, хотя вокруг царила плотская нега.

Я достал из сумки литтеру — печать префекта на мое имя — показал ее администратору и произнес:

— Мне нужно срочно поговорить с той или тем, кого в вашем заведении посещал в последние дни Марк Моммертин.-младший. Это чрезвычайно важно. Приказ префекта.

Скриба внимательно осмотрела печать. Убедившись в ее подлинности, она едва заметно улыбнулась и кивнула, приглашая меня следовать за ней на второй этаж. Я последовал за ней.

Воздух был густ и тепл, пропитан сладковатым ароматом благовоний. Я невольно отметил стройность фигуры скрибы: даже плотная туника не могла скрыть ее плавных линий... Борясь с искушением, я стыдливо отвел взгляд и молча заставил себя идти дальше.

«Per aspera ad astra» (через тернии к звездам), говорили предки. Задание, которое мне поручили, могло стать переломным в моей карьере. Шанс подняться выше на Rota Fortunae (колесе Фортуны) выпадает один — два раза за жизнь, и упускать его из-за глупых страстей было нельзя.

Наконец скриба открыла дверь и мы оказались в просторной комнате у одной из самых знаменитых женщин Александрии — гетеры, известной под именем Сирена.

Сирена считалась одной из лучших жриц любви (здесь их называли — «советниц Хатхор»), способной удовлетворить даже самого взыскательного клиента. Лучшие гетеры Греции могли позавидовать ее красоте и уму. О ее прошлом ходили лишь смутные слухи, и свою репутацию она построила на знании языков, философии и литературы.

И, разумеется, виртуозному владению искусством плотской любви.

Ее покои были исполнены в морском стиле. Цвета стен плавно менялись от темно-синего у пола до лазури под потолком, словно ты сам погружался в толщу воды. Большая круглая кровать в форме раковины с зеленым пуховым матрасом стояла прямо в центре комнаты, прикрытая полупрозрачными занавесками из шелковой ткани нежного голубого цвета, что создавало атмосферу тайны и соблазна.

Однако в этих декорациях я все же ощутил легкую прохладу, как в глубине морской бездны. Но разве кипящей юной крови есть до этого дело?

Впрочем, поразило меня другое. Стены вдоль полок и шкафов были буквально заставлены свитками и папирусами с трудами философов и историков: Сенека, Геродот, Платон, Тит Ливий... Конечно, у каждого уважающего себя римлянина найдется подобная коллекция — но не каждый способен ее прочесть.

Проститутка, которая тратит заработанные телом деньги не на золото и ткани, а на книги? Это было вдвойне любопытно.

В остальном покои Сирены отличались картинной аккуратностью: все убрано и прибрано, все готово к приему очередного клиента. На столе мерцала ароматическая лампа, наполняя воздух мягким запахом восточных трав, создававшим нужную атмосферу уюта и расслабления.

— Вам что-то нужно? — услышал я за спиной женский голос.

Я обернулся. В дверях стояла молодая женщина в струящемся голубом платье из тончайшей ткани. Полупрозрачные складки мягко обтекали ее фигуру, то скрывая, то обнажая силуэт, играя с воображением в полумраке. Ее лицо было освещено светом лампы, и на миг показалось, что в комнату вошла сама нереида — нимфа, поднявшаяся из морских глубин.

Сомнений не было, передо мной предстала Сирена, хозяйка этих покоев.

— Туллия, это что, особый клиент? — спросила она, взглянув на мою спутницу.

— Нет. Этот человек пришел по поручению префекта. Он хочет задать тебе несколько вопросов. Я оставляю вас ненадолго. Если что-то случится — зови стражу.

Администратор бросила на меня недобрый взгляд и скрылась за дверью, оставив нас наедине.

— Добрый вечер, — Сирена мягким движением пригласила меня рукой, указывая на клинию — длинную скамью с мягкими подушками, стоявшую напротив кровати и украшенную изящными морскими орнаментами. Присмотревшись, я заметил, что даже мелкие детали интерьера — занавеси, вазы, резьба на мебели — повторяли тот же мотив. Теперь стало ясно, почему она носила это имя.

Сирена была высокой и стройной, двигалась по-кошачьи мягко, ее шаг был легким, будто она ступала по облаку, а не по мозаичному полу. Фигура женщины не соответствовала классическим канонам — плечи были чуть шире бедер, а грудь была совсем небольшая и аккуратная, — но эта нестандартность придавала ее облику особое очарование. Черные волосы мягкими волнами обрамляли лицо правильной овальной формы, с широкими скулами и прямым носом. Тонкие брови подчеркивали выразительность губ, слегка припухлых, расплывшихся в полуулыбке.

Но больше всего притягивали глаза — карие, миндалевидные, внимательные, с чуть печальным взглядом. В нем читалась пронизательность, но он словно скользил дальше, устремленный не в душу собеседника, а куда-то в неведомые дали, где хранились ее собственные тайны.

Там было что-то, что я пока не мог понять: ум, опыт, боль? Или, быть может, тайна, которую еще только предстояло разгадать?

Сирена налила темное вино в кубок и мягким движением протянула его мне. Я вежливо отказался: аромат благовоний и трав, густо пропитавший комнату, и без того вызывал легкое головокружение. Вместо этого я опустил на клинию.

Сирена устроилась напротив, легко сложив ногу на ногу, и ее поза была одновременно естественной и броской — как у женщины, привыкшей владеть ситуацией.

Неосознанным движением она коснулась рукой медальона на груди в форме серебряного Уаджета (Глаза Гора), символа защиты. На миг он ярко блеснул в свете лампы.

Я задержал взгляд и невольно задумался: почему она предпочла древних египетских богов, а не привычных горожанам олимпийцев? Почему-то я был уверен, что это была не просто дань моде. В ее выборе угадывалось что-то, чем она не делилась с посторонними.

— Я не представился. Меня зовут АлексIOS. Я здесь по особому поручению.

— Приятно познакомиться, господин, — она чуть улыбнулась, — полагаю, мое имя вы знаете. Но что привело такого важного гостя ко мне?

— Я ищу Маммертина-младшего. Он пропал. Его ищет семья и власти. Он бывал у вас. Когда он был здесь в последний раз?

— Позавчера, — ее голос оставался спокойным, но мелькнувший в глазах блеск выдал тревогу, — с ним что-то случилось?

Она подняла бокал к губам, и в этот миг я заметил на ее левой руке серебряное кольцо с тонкой черненной надписью. Знаки походили на иврит, но расстояние не позволяло четко разобрать слова.

— Да, — подтвердил я, — вчера он исчез вместе со своим слугой и охранником. Его семья — одна из влиятельнейших в городе. Думаю, вы это знаете, — сказал я и чуть тише добавил, — возможно, вы последняя, кто его видел.

— Я слышала о пропавших... Но Марк? — она тихо вздохнула и отпила еще вина, — в это трудно поверить.

— Быть может он делился с вами чем-то, что может пролить свет на его судьбу? — осторожно спросил я.

Сирена замолчала. На миг ее взгляд стал отстраненным, будто она решала, стоит ли раскрывать тайну. Потом она тихо произнесла:

— Я могу рассказать... Но это должно остаться между нами. Говорю лишь потому, что это может помочь ему.

— Хорошо. Даю слово, — хотя внутри сомневался, что смогу сохранить обещанное; слишком многое зависело от этой информации, — более того, казна оплатит эти сведения, — я выложил на стол несколько золотых ауреев.

Она взглянула на монеты, слегка усмехнулась, покачала головой и мягко отодвинула их от себя.

— Спасибо, но я помогу бесплатно. А эти деньги пусть лучше достанутся тем, кто в них нуждается. Хатхор велит заботиться о своих детях.

Она не лгала. В лупанариях нередко жили неожиданные дети блудниц: здесь они росли и помогали по хозяйству. Затем девочки почти неизбежно «продолжали дело» матерей — чаще добровольно-принудительно, чем по собственному желанию. Мальчики же становились гладиаторами, пополняли ряды уличных головорезов или уходили в армию, которая оставалась для них едва ли не единственным способом подняться с низов.

О том, что подобное есть и в «VII+XIII», я прежде не слышал. Но меня задело другое: Сирена вновь упомянула Хатхор — древнеегипетскую богиню любви и домашнего очага, — а не Венеру, куда более привычную и почитаемую в Александрии эллинами и жителями города. Это было странно... И вместе с тем говорило о ней больше, чем она сама хотела мне показать.

Сирена призналась, что Марк бывал у нее часто — не реже раза в неделю. Щедро платил, больше других клиентов, но дело было не в этом. Юноша приходил не столько за утехами, сколько за возможностью выговориться. Он бесконечно жаловался на отца, который мечтал видеть сына магистратом, продолжателем семейного дела на государственной службе, в то время как Марк хотел стать скульптором.

По его словам, он мог часами бродить по залам Александрийской библиотеки, любуясь греческими статуями, собранными еще при первом Птолеме. Но воля *pater familias* (главы семейства) была непреклонной, и юноша все глубже погружался в тоску и уныние. Единственным утешением для него стали беседы с Сиреной — о поэзии и философии, об искусстве и истории. С ней он обретал понимание, которого не мог найти в собственном доме.

— Здесь он находил утешение, — тихо сказала Сирена, — и поддержку. Для него я была скорее нежным другом, чем любовницей.

Я кивнул. Похоже что она не лгала. По крайней мере это звучало логично и вписывалось в картину происходящего.

— Как вы думаете, он мог сбежать от отца в ту же Грецию? — спросил я Сирену.

Она нахмурилась, словно обдумывая сказанное.

— Сбежать? — Сирена покачала головой, — вряд ли. Если бы он решился на такой шаг, то непременно доверился бы мне. Или хотя бы попрощался.

Она замолчала, потом задумчиво перевела взгляд на пламя свечи, дрожащее в бокале лампы.

— Думаю, он мог направиться только в одно место...

Она поставила бокал на столик и едва заметно придвинулась ко мне ближе. От нее веяло теплым ароматом жасмина и лотоса — манящим, почти удушающим.

Мы все еще сидели на расстоянии, но этого движения хватило, чтобы я ощутил, как ее присутствие заполняет все вокруг. Возможно, это было случайностью, но я ясно почувствовал, как стремительно поддаюсь ее чарам.

Каждый знает это ощущение: в этот момент ты будто вмиг теряешь почву под ногами, и, ослепленный, роняешь свой разум в пропасть, в пленительные объятия Венеры.

Что это? Искусные чары жрицы любви? Или игра коварного Амура?

Теплый свет ламп бросал на ее тело мягкие тени, тонкая ткань прозрачным намеком обрисовывала изгибы груди, а запах духов и благовоний, сладкий и терпкий, все сильнее туманил голову. В ее карих, почти оранжевых глазах плясали огоньки свечей. Они манили меня так же неотвратимо, как ночной свет — беззащитного мотылька.

Но я вдруг подумал: сколько таких, как я, сидели здесь, в этом полумраке?

Толстый лавочник и алчный купец, самодовольный возничий и грубый легионер, усталый старик и неверный муж, наивный юноша... Все они жаждали одного и того же — сорвать спелый плод тела. Был ли Марк Маммертин тем, кто пытался увидеть в ней нечто большее? Не Венеру во плоти, а живого человека с мыслями, чувствами, тайнами?

Я сделал глубокий вдох, чтобы напомнить себе, что я здесь на важном задании, ради спасения юноши, но мысли о расследовании таяли быстрее, чем снег на солнце.

Она положила свою тонкую ладонь на мое запястье, где белели шрамы. Сирена медленно провела пальцем от одного к другому, словно читая невидимую надпись, и мое тело тут же покрыли мурашки.

Сирена внимательно посмотрела мне в глаза.

— Сад Геспирид для каждого свой, не так ли? — загадочно улыбнулась она, — для Марка им стала старая скульптурная мастерская. Там он черпал вдохновение, там же творил.

Она слегка склонила голову и указала на изящную статую, стоящую в углу. Небольшая мраморная океанида сидела на камне, поджав ноги, и смотрела вдаль.

— Присмотрись, — перейдя на «ты», сказала она.

Изучив ее взглядом, я замер: черты лица были удивительно знакомы.

— Это его работа? — спросил я, — он увековечил тебя в мраморе?

— Он предлагал сбежать к Понтийскому морю, в Таврику, — рассмеялась она, но в смехе ее прозвучала грусть, — туда, где нас не достанет ни его отец, ни римская власть. Конечно я отказалась. Но согласилась позировать для него.

Она рассказала, что мастерская находилась в старой двухэтажной инсуле на окраине города, к северу от входа на Александрийский ипподром. Именно там, по ее словам, Марк и мог скрываться.

Я понимал, что должен идти немедленно. И все же какая-то часть меня, предательская и слабая, жаждала остаться с ней еще немного, хотя бы на несколько минут.

На прощание я обратил внимание на кольцо на ее руке — серебряный ободок с черненной надписью.

— Amor Fatī (Люби свою судьбу)? Или, быть может, Carpe Diem (Лови момент)? — спросил я.

— Раньше никто не спрашивал меня об этом, — легкий румянец коснулся ее щек, — даже Марк.

— Так что там?

— «Это пройдет» — улыбнулась она, но уголки ее губ едва заметно дрогнули, сказав этим гораздо больше, чем мог выразить словами даже самый искусный греческий поэт.

Я направился к мастерской уже в сгущающихся сумерках; путь был неблизкий. Когда я подошел к инсуле, старому жилому дому, улица была пуста, а в воздухе витала тревога. Я дернул ручку, но дверь оказалась заперта изнутри на тяжелый засов.

Тут же из окна второго этажа донесся приглушенный звук, похожий на сдавленный человеческий крик...

— И что было дальше? — спросил префект Гай Стациан, слегка откинувшись на спинке стула. Заинтригованный, он скрестил руки на груди мускульного доспеха.

— К счастью, неподалеку оказался контуберний легионеров на ночном карауле, — ответил я, — я бросился к их командиру, десятнику по имени Секунд, и запросил помощь, показав вашу печать.

Двое рослых солдат вышибли дверь с первого удара. В нос сразу ударил тошнотворный трупный запах. Легионеры действовали по всем правилам: бойцы рассредоточились, окружили дом, перекрыли все выходы. Казалось, враг, кто бы он ни был, не имел ни единого шанса против закаленных в боях легионеров. Но судьба распорядилась иначе.

Я подробно описал Гаю все, что случилось внутри: бой, вернее, бойню, которую устроила нам эмпуса — порождение тьмы, древний кошмар из иных миров. Рассказал и о том, каким чудом удалось выжить... И, быть может, изгнать тварь из нашего мира. На время.

Гай Стациан слушал молча, его лицо мрачнело с каждой моей фразой. Наконец он произнес, задумчиво качнув головой:

— Вот уж не думал, что когда-нибудь услышу об этих созданиях. Их не встречали на протяжении веков... Еще с царских времен.

— Но это правда, — сказал я, — я бы и сам не поверил, если бы не видел это собственными глазами.

Гай Стациан молчал, его пальцы ритмично постукивали по краю стола, на котором покоился его шлем.

— Ты говоришь, — произнес он наконец, — что это эмпуса. Порождение Гекаты. Ты понимаешь, как это звучит?

В его голосе не было ни капли насмешки или злорадства. Он просто проверял меня.

— Понимаю, — ответил я, смущенный, — но иначе объяснить случившееся невозможно.

— А доказательства? — префект подался вперед, вглядываясь в меня своими выпуклыми глазами.

Я опустил взгляд на камень, который все еще держал в ладони. Яшма отливала темно-красным огнем.

— Больше ничего не осталось, — сказал я тихо, — только горстка пепла и этот осколок медальона.

Наместник аккуратно взял камень двумя пальцами и поднес его поближе к глазам.

— Интересно, — пробормотал он, — в легендах действительно упоминается о яшме как оружии против нечисти... Но это мифы. Бабушкины сказки.

Он снова задумчиво посмотрел на меня, и теперь в его взгляде было меньше сомнения и больше любопытства.

— Ваши слова подтверждают выживший десятник и горы мертвецов в мастерской, — Стациан вновь откинулся на спинку стула, крутя камень в своей ладони, — я вам верю. Но учти, Алексисос. Если ты ошибаешься, ты поставишь под удар не только свою жизнь, но и власть Рима в Египте.

Только тут я заметил: глаза у Стациана воспалены, а под ними отяжелели мешки. Должно быть груз власти давался ему нелегко. Но он держался гордо, как и подобает римлянину, несущему службу до конца. Но надолго ли его хватит в таком режиме?

— Однако, — произнес он, поднявшись со стула и взяв в руки шлем, — я хочу вас поблагодарить. Юноша выжил, и его семья благодарна Риму, который ценой жизнью своих солдат спас их наследника. Вы выполнили задачу и даже одержали победу над чудовищем.

Я было открыл рот, собираясь вновь объяснить, что все дело в медальоне с яшмой, но Стациан лишь отмахнулся.

— Неважно. Для народа важен сам факт победы. Символ. А символы значат для людей больше, чем истина.

Префект надел свой металлический шлем с синими перьями и добавил:

— Вы продолжите заниматься исчезновениями. Задача номер один — выяснить истинную причину. Все, что понадобится, вам предоставят. Пока же я поручил жрецам принести жертвы богам.

— Каким? Римским, греческим или египетским? — спросил я, переваривая это неожиданное повышение, смахивающее на наказание.

— Всем, — отрезал Стациан, — чтобы никто не остался без молитвы. А сегодня утром я отдал приказ изъять все запасы яшмы в городе. Из нее сделают обереги для солдат и магистратов. Надеюсь, что это убережет нас от новых потерь.

Я молча кивнул. Решение было мудрое.

— И последнее, — голос префекта стал еще резче, — я выбрал именно вас, поскольку подозреваю, что дело тут не только в тварях из древних легенд. Кто-то из наших... Из местных... Чиновников или жрецов... Играет против нас. Вторая ваша задача — проверить своих. Найти слабое звено.

— Понял, — сказал я, приподнимаясь на постели и склонив голову, — будет исполнено, dominus (господин).

Гай Кальвизий Стациан, префект Египта и самый могущественный человек южного Средиземноморья, направился к выходу. Это было в его манере — уходить, не прощаясь. Охрана тут же сомкнулась вокруг него. Но уже у двери он резко остановился, словно что-то вспомнил, и снова обратился ко мне.

— Чуть не забыл. Эту вещицу нашли на месте бойни. Вдруг она поможет пролить свет на произошедшее.

Он подал знак и его телохранитель, рослый светловолосый германец, взял что-то у него, шагнул ко мне и протянул руку.

В этот момент солнечный луч пробился в окно, упав прямо на его ладонь. День обещал быть ясным и безоблачным.

На ладони лежало серебряное кольцо. Слегка потускневшее, с надписью, которую я узнал мгновенно. «Это пройдет». Кольцо Сирены. Но что это значит? Неужели она — чудовище? Разве такое возможно?

Спустя полчаса, опираясь на костыли, я вышел в сад медицинской школы. Солнце стояло высоко, фонтан бил из пасти немейского льва, которого душил мраморный Геркулес. Вода сверкала, зелень благоухала, ученые мужи в белых тогах чинно беседовали о медицине. Мир казался простым и безмятежным.

Я узнал Секунда, выжившего командира, отдохавшего неподалеку на скамье в тени, и кивнул ему. Опираясь на костыль, я закрыл глаза. Приветливые солнечные лучи грели кожу. Перед глазами вспыхнула еще одна надпись на иврите, которую я нашел на оборотной стороне кольца. Она гласила: «И это тоже пройдет».

Но пока я не знал — спасение это или приговор, вынесенный по велению бессмертных богов.

Глава 2. Amor fati

Город утопал в сыром январском снеге, редком и чуждом для Египта. Белая пелена, словно кокон шелкопряда, окутала улицы, крыши домов и крытые лавки, заполонившие площади столицы. Издалека Александрия напоминала гигантский термитник, из которого то там, то здесь поднимались башни и дома, мерцавшие тысячами огоньков.

А впереди, во главе этого каменного воинства, стоял величественный Фарос — его яркие лучи рассекали вечерний морок, подобно молниям Юпитера, поражающим восставших из недр Тартара титанов.

Я стоял на балконе и, ежась от холода, вглядывался в этот непривычный пейзаж. Никто в городе не помнил, чтобы здесь когда-либо выпадал снег. Историки из Библиотеки утверждали, что Тацит упоминал однажды о подобном; иных письменных свидетельств не существовало.

Для нынешнего поколения — и для меня самого — это было явление невиданное.

Снег казался мне воспоминанием детства, проведенного в Македонии, в военном лагере неподалеку от Пеллы, чем реальностью. Хотя к стуже я привык с малых лет, любить ее так и не научился. Теплый средиземноморский климат Александрии был мне куда милее.

С высоты балкона я видел, как внизу сустились люди, закутанные в климы с капюшонами и германские меховые шарфы, сметенные с прилавков в первые часы холодов. Дым костров и очагов клубился над улицами — каждый грелся как мог. Дети, визжа, катали снежки и весело кидались ими друг в друга.

Один снежок угодил в черноволосого горбоносого лавочника, торговавшего хворостом — самым ходовым товаром этих дней. Тот, выругавшись по-персидски, с неожиданной для своих габаритов ловкостью припустил в мальчишек палкой. Но юность оказалась быстрее: лидер ватаги увернулся, показал толстяку язык и скрылся в переулке, уводя за собой остальных.

Я невольно улыбнулся. Возможно, какой-нибудь великий художник сумел бы превратить эту сцену в сюжет для фрески или мозаики, которая украшала бы потом гостиную очередного богача. Но я был лишь свидетелем сцен из жизни, и мне оставалось только смотреть и запоминать.

Хлопья мокрого снега падали медленно и тяжело, но быстро растворялись на ладонях. Я смотрел на них, потом на черные тучи, сгустившиеся над городом, и думал о собственной судьбе. Я уже давно не был тем юнцом, что когда-то приехал в Александрию — с жадной жаждой знаний, острым чувством справедливости и желанием изменить мир. За пятнадцать лет многое изменилось.

Во-первых, я дожил до тридцати трех. Александр Великий умер раньше, хотя за свои годы покорил полмира. Я же покорил разве что собственные страхи — и то не все.

Во-вторых, прибыв в чужой город без имени, связей и состояния, я сумел завоевать доверие сильных мира сего и теперь, по поручению самого префекта Египта, выполнял особое задание. Правда, выбора мне по-сути не оставили.

Да и какой ценой? Девять опытных солдат пали. Я выжил лишь чудом — благодаря случайности и чужим жертвам. С тех пор я чувствовал себя так, словно взял займы у мертвых, и это обязательство тяжким бременем лежало на душе.

Над городом сгущались тучи. Но простые жители, как водится, перемен не замечали. Они, как и раньше, ходили на работу, торговали, сплетничали, враждовали, жаловались властям, судились друг с другом за межу на участке, любили, отдыхали, рожали детей, хоронили родных, жили дальше. Жизнь шла своим чередом.

Второй город империи процветал. Казалось, что народу без разницы под чьей властью находиться — римской, греческой или персидской, лишь бы простых людей не трогали и давали возможность кормить свои семьи. В этом плане римская власть смотрелась выигрышной: хлеб Рим требовал исправно, но взамен щедро дарил Египту зрелища. А зрелища египтяне обожали.

Александрийский ипподром, возведенный римлянами на месте старого греческого театра (как же символична такая замена!) был одним из крупнейших в империи. Конечно, он уступал Большому цирку Рима, но на юге Средиземного моря грандиознее сооружения не существовало. До пятидесяти тысяч зрителей собирались здесь, чтобы бесплатно наблюдать за гонками колесниц и лошадей, гладиаторскими боями и иными состязаниями. Гул толпы рядом со стадионом почти никогда не смолкал.

Рим, как неверный супруг, искушающий чувство вины дарами, щедро осыпал Александрию — свою хлебную житницу — зрелищами и угощениями. Именно этим и воспользовалась эмпуза. Используя заброшенную мастерскую неподалеку от арены как логово, она заманивала к себе несчастных и предавала их жестокой смерти, заглушаемой ревом восторженной публики.

Странность заключалась в том, что даже после победы над эмпузой исчезновения не прекратились. Люди продолжали пропадать, несмотря на молитвы жрецов и многочисленные патрули вигилов с яшмовыми оберегами. Лишь в Царском квартале, у лупанария «VII+XIII», где я встретил Сирену, все затихло. Будто сама тьма избегала этого места...

Я сжал в ладони ее перстень — серебряное кольцо с надписью «И это пройдет», найденный в той самой мастерской.

Что оно означало? Прощание? Предупреждение? Или, быть может, вызов?

Сирена исчезла бесследно, и теперь я терзался мыслью: кем была эта женщина? Гетерой, случайно вовлеченной в игру чудовища, или самим чудовищем, скрытым под маской человека? Или чем-то большим, чем просто человек или существо из иного мира: проводником, связью между мирами?

Каждый раз, когда я сжимал кольцо в ладони, вместе с ним оживал и вопрос, на который ответа не было.

Раздобыв в префектуре подробную карту города, я последовательно отметил на ней все случаи исчезновений за последние недели и заметил тревожную закономерность: большинство из них происходило в одних и тех же местах, преимущественно по ночам.

Самыми опасными оставались улицы Неополиса, тянувшегося вдоль александрийского канала и побережья озера Мареотис. Именно там находили больше всего останков. Там я и проводил вечера, когда их вновь обнаруживали.

Но тела не давали ясных ответов. Скелеты были неполные, словно кто-то вырвал куски плоти и костей, как ребенок вырывает страницы из книги. На костях зияли странные следы — глубокие, зубчатые, будто оставленные чудовищными челюстями.

— Это крокодилий укус, — сказал Гален, склонившись над очередными останками. Его голос звучал твердо, хотя в нем и сквозила тревога, — такой след может оставить лишь нильский крокодил. Я видел подобное южнее, в царстве Куш.

— Вы уверены? — спросил я, не сводя глаз с раздробленной кости.

— Абсолютно, — усмехнулся он и неожиданно добавил, — однажды крокодил-убийца наводил ужас на Мероэ, столицу Куша. Три месяца его выслеживали лучшие охотники царства и наконец нашли. В последней схватке он забрал с собой на тот свет двух охотников. Но... — врач замолчал и поднял брови, посмотрев на меня так, будто хотел предупредить — даже тот зверь не оставлял таких крупных следов.

Гален присел на корточки и, привычный к трупному запаху, ловким движением вытащил из берцовой кости огромный зуб. Длинный, острый, не меньше десяти унций, блестящий, как клинок. Он протянул его мне.

Я взял находку в руки. Уродливый белый клык был на удивление холодным — как кусок железа.

— Будьте осторожны, Алексисос, — добавил Гален, — если за этим и стоит какой-то зверь, он явно не тот, кем кажется.

Однако нашлись и те, кто уверял, что на людей нападает лев — пусть и необычно крупный. На это указывали следы когтей и не доеденные внутренности жертв. Рыбаки клялись, что ночью видели у побережья огромного зверя, похожего на царя зверей. Другие шептались о гиппопотаме, защищающем свою территорию — хотя и такой зверь вряд ли мог так методично убивать.

Дошло до того, что в темных кварталах города начинали перешептываться о том, что сам Апоп — змей Хаоса и абсолютного зла — восстал из Дуата, разгневанный грехами людей. Люди говорили, что это его зубы рвут тела несчастных.

Жрецы, вынужденные отвечать на вопросы толпы, лишь разводили руками, яростно молились и обвиняли во всем христианские секты, якобы навлекшие проклятие своей ересью. Но страх рос. Дошло до того, что моряки в темное время суток категорически отказывались выходить в море; вскоре это начало отражаться на торговле и снабжении города.

Слухи о проклятии множились, словно головы гидры. Были ли виной тому враги Рима, тайные культы или гнев богов — никто не знал. Стациан был в гневе, но выйти на след чудовища не удавалось. Одно было ясно: город вновь охватывала паника, и действовать нужно было немедленно. Сегодня. А еще лучше — вчера.

Несмотря на многочисленные предсказания жрецов и авгуров о благосклонности богов, сама природа словно восстала против нас. Поеживаясь от холода, я смотрел, как с неба продолжал падать сырой и непривычный для этих мест снег.

Снежинки кружились в воздухе, но на улицах, крышах и площадях уже лежала тяжелая слякоть. Казалось, что архаичные боги стихий, древнее богов Персии, Греции и Египта, словно нарочно наслали на город непогоду, и не просто непогоду, а самый настоящий снежный буран, пусть на улице и шла теплая календарная зима с никогда не замерзающим Нилом.

Так или иначе, план, утвержденный префектом, должен был быть исполнен этой ночью. В город были введены силы знаменитого III Легиона Августа, сформированного Октавианом еще двести лет назад, бойцы которого получили приказ патрулировать улицы во всех районах — и открыто, и тайно.

Сегодня я лично намеревался сопровождать один из патрулей, что должен был пройти вдоль александрийского канала в южной части города — от Лунных врат цирка до Портуса, речной гавани. Другие контубернии (отряды) по приказу префекта охраняли восточную и западную гавани. Особый отряд следил за островом Фарос. Сам маяк, представляющий собой крепость, в усилении не нуждался.

Итак, в восемь часов вечера, в самый холодный день этого года, я покинул Лунные врата Александрии в сопровождении солдат II контубернии I когорты III Легиона Августа. Мы двинулись по широкой дороге на юг, в сторону печально известного александрийского канала. Бойцы шли строевым шагом, каждый легионер был вооружен дротиком и коротким мечом. На доспехах и шлемах отражалось пламя факелов, а на их щитах белел знак легиона — лев, символ храбрости и железной воли.

Во главе отряда шел Секунд — тот самый, кто выжил рядом со мной в бойне с эмпусой. Ему было уже за сорок, и возраст, а также боевой опыт, оставили на его лице глубокие морщины и шрамы. Выходец из местных латинян, ветеран многих кампаний, смотревший не раз в глаза смерти, он был живым воплощением знаменитой *virtus* — римской доблести.

На голове Секунда красовался новенький шлем с кирпичного цвета гребнем — символом власти. Чешуйчатый доспех декана был украшен портупей с наградными фалерами. Две из

них особенно выделялись: одна с изображением Меркурия — знаком тех, кто первым взошел на стены врага, а другая — с ликом Фортуны, вручавшаяся тем, кого сама богиня оберегала от гибели. Секунд носил их рядом, как знаки дерзости и удачи.

После той ночи прошло без малого три месяца: Гален снял с его ноги шины, и Секунд снова вернулся в строй — сначала к легким дежурствам, а теперь и в патруль. По ходатайству командования его наградили за проявленную храбрость и по личному распоряжению префекта приставили ко мне в помощь.

И все же, глядя на его волевой силуэт, я не мог отделаться от навязчивой мысли: у Фортуны всегда две стороны. Одна возносит на вершину, другая же низвергает в бездну. Какой стороной госпожа удача повернется к нам этой ночью?

Выслушав мои тревожные мысли, Секунд ничуть не удивился и лишь стоически отметил: — *Fata viam invenient* (судьба найдет свой путь).

— *Tύχη δ' ἄφικτον*, — сказал я ему в ответ по-гречески, — судьбы не избежать.

Командир лишь повел бровью. Казалось что теперь, когда город был наводнен патрулями легиона, мы должны были чувствовать себя в безопасности. Должны — но не чувствовали. Ветер срывал капюшоны с голов, факелы гасли, а их дрожащие тени металась в тумане, предвещая, что скоро нам суждено будет встретиться не с людьми, а с самой тьмой...

Вечерело. Навстречу нам шли спешившие в город и дрожащие от холода пешие путники и закутанные в меха торговцы на телегах; попадались и одинокие всадники; некоторые провожали нас настороженными взглядами. Факелы освещали дорогу, и мы упрямо пробирались сквозь слякоть и снежную кашу, несмотря на ветер, бьющий в лицо с какой-то остервенелой яростью, будто сам Эол поднял против нас свои бурные вихри.

Прячась от метели, я замотал шарф на лице словно маску, оставив лишь прорезь для глаз. Секунд и его солдаты сделали тоже самое, и из людей мы превратились в безмолвных странников, бродящих в тенях.

Около часа мы шли по дороге вдоль канала. Слева вдалеке тянулись высокие стены города с крепостными башнями и редкими огнями на них, справа чернела неподвижная гладь озера Мареотис. Обычно днем здесь кишели рыбаки: смуглые люди в набедренных повязках толкали свои плоскодонки длинными шестами, скользя между зарослями тростника, камыша и осоки. Но теперь все вокруг было пусто, безмолвно, словно сама природа сторонилась этих мест.

Вскоре небо заволкло тучами, темнота еще сильнее сгустилась. Наши фонари освещали лишь крошечное пространство перед собой. Со стороны мы, наверное, походили на шайку разбойников, идущих на дело под покровом ночи. Лишь молчаливые, занесенные снегом статуи богов и героев у обочины дороги напоминали, что мы стоим на стороне закона и порядка.

Наконец снегопад начал затихать. В какой-то момент он и вовсе исчез, но почти сразу его сменила иная беда: пришел густой, мокрый туман, словно сам Юпитер опустил с небес облака прямо на грешную землю. Туман обволок нас целиком, закрыл, словно кобра своим капюшоном, поглотив свет факелов без остатка.

Клубы пара от дыхания, как символы жизни, сопровождали каждого легионера, но уже в двух шагах невозможно было различить ни лица, ни силуэта. Хотя дорога не давала заблудиться, я понимал: из охотников мы превратились в жертв. В такой обстановке опасный враг мог застать нас врасплох в любой момент.

«*Mehercule* (Клянусь Геркулесом), — подумал я, — а вдруг бессмертные боги подадут нам знак? Может стоит переждать туман?».

— *Siste!* (стой!), — словно прочитав мои мысли, скомандовал Секунд, — сделаем привал. Разведем костер и подождем, пока туман рассеется.

Мы сошли с дороги и устроились на небольшой поляне, неподалеку от проезжей части широкой римской дороги, рядом с обломком статуи какого-то греческого бога, утопавшего

в снегу. Почти двести лет назад император Август расширил старую греческую дорогу для переброски войск. Два века спустя дорога все так же оставалась крепкой и ровной — Рим умел строить надолго.

Бойцы, привычно и без лишних слов, раздобыли хворост и развели огонь. Не болтая лишнего, обмениваясь лишь короткими репликами, они действовали слаженно и дисциплинированно. Часовой — худощавый, но жилистый боец среднего роста — занял свой пост чуть в стороне, зорко вглядываясь в молочную пелену окружавшего нас тумана, который стал еще гуще, чем прежде.

Еще пару минут, и весь контуберний расположился вокруг огня. При свете костра я смог подробнее разглядеть лица солдат и их внешний облик.

Отряд Секунда был пестрым, как и сама империя, раскинувшаяся от Британии до Месопотамии. Разнообразие лиц отражало не только географию Рима, но и его суть: разные народы, встроенные в один общий военный механизм, способный перестроиться под любого известного противника.

В наше время италики становились все большей редкостью в легионах. Хотя они держали командные должности, составляя костяк армии, основная масса рядовых бойцов давно уже была из провинций. Латынь, впрочем, знали все — не из-за желания учиться, а потому, что сама жизнь в империи заставляла говорить на языке народа Цезарей.

Если сам Секунд был италиком, хоть и выходцем из римской колонии в Африке, то другие солдаты пришли со всех концов страны. Двух испанцев — говорливых, с акцентом, я узнал сразу. Двух африканцев, таких похожих, но таких разных, также невозможно было не отметить: низкорослого нумидийца с бронзовой кожей и огромного иссиня-черного нубийца, чей облик особенно впечатлял в отсветах костра. Египтянин с лицом, покрытым сурьмой, молчал, не издавая ни звука, будто он хранил свои мысли для богов.

Рыжий галл с крепким телосложением и длинными волосами держал при себе не только гладиус, но и спату, длинный варварский меч. Рядом с ним отдыхали двое лучников — бородатый сириец в чешуйчатом доспехе и бритоголовый критянин с кожаным панцирем, разрисованным цветными узорами. Их луки, превосходные и смертоносные, покоились рядом, готовые в любую секунду начать свою смертоносную песнь.

Наконец, впечатлял фракиец: мрачный, под два метра ростом уроженец востока Балкан, с татуированным лицом, за спиной которого возвышалась ромфея — гигантское оружие, способное в умелых руках разрубить человека пополам.

У каждого из легионеров была своя история прихода в армию — нужда, желание разбогатеть или купить клочок земли, на котором можно было бы осесть с семьей. Но сейчас, у костра, все эти различия стирались. Это были крепкие, проверенные люди, и для предстоящей ночи этого было достаточно.

— Как думаете, что за тварь за всем этим стоит? — спросил нумидиец, растирая ладони у костра, — говорят, что это то ли крокодил, то ли лев-убийца... А кто-то шепчет, что злой дух.

— Какая разница, — ухмыльнулся галл и опустил тяжелую руку на меч, лежавший у него на коленях, — спата уравнивает всех.

— После моей ромфеи, разумеется, — усмехнулся фракиец, указав большим пальцем за спину.

— Ни один зверь не переживет мой выстрел, — лениво добавил сириец, — а я самый меткий стрелок в когорте.

— Конечно, — рассмеялся лысый грек, поправляя капюшон, — сразу после меня.

На несколько секунд все замолчали, и лишь треск костра нарушал тишину, посылая в ночное небо хрупкие искры.

— А если это вообще не зверь? — спросил испанец, вертя на шнурке яшмовый медальон, — если это порождение Тартара, выбравшееся наружу?

— Для этого мы здесь, — отрезал Секунд, — на жрецов не надейтесь. Пусть сперва научатся угадывать погоду на завтра.

Солдаты дружно рассмеялись. Только египтянин молчал. Вглядываясь в клубящийся туман, он наконец произнес:

— Человек предполагает, а боги располагают. Все это, — он обвел рукой серую пелену вокруг, — не к добру. Мы чем-то прогневали их.

— Эпикур сказал бы обратное, — заметил я, — что боги равнодушны к нашим делам.

— Знаешь, Алексиус, я человек простой... — Секунд хмыкнул, и в уголках его губ показались морщины, — в академии не учился, в библиотеке был всего раз и то на посту. Мы, легионеры, больше верим в то, что можно потрогать. Или заколоть. Но то, что мы видели тогда... — он сделал паузу, давая своим словам повиснуть в воздухе, — меняет все. Боги вмешиваются. И еще как.

На несколько мгновений повисла гробовая тишина. Только тепло от огня напоминало, что мы на посту, и все еще живы. Секунд продолжил:

— Мои бойцы знают: я не из робкого десятка, — в голосе слышался звон стали, — мы прошли половину империи. Крови я видел столько, что иной утонул бы. Но если таких тварей будет много... — он тяжело вздохнул, — то спасти империю смогут лишь легионы... И бессмертные боги.

— *Per aspera ad astra* (через тернии к звездам), — пробормотал испанец, кутаясь в плащ.

— *Per ardua ad astra* (через трудности к звездам), — поправил его грек и, поежившись, подбросил охапку хвороста в огонь.

— *Exurge Mars, Mars Ultor* (Восстань, Марс, Мститель Марс)! — громко произнесли остальные воины, и их голоса отразились гулким эхом.

— *Roma et Imperator* (Рим и Император)! — заключил Секунд, подняв ладонь к небу и приветствуя звезды.

Пламя костра вспыхнуло ярче, языки огня вытянулись вверх, словно вознося молитву бессмертным богам.

Бойцы продолжили болтать о том и о сем, хвастаясь друг перед другом настоящими и вымышленными подвигами, травили друг другу байки из армейской жизни и просто ворчали.

Нубиец, разминая в ладони черствый паек, причитал: «прежде хоть вино нормальное делали, а теперь одни помои. И мясо это... Словно шкуру шакала сушили». Галл же, уставившись в огонь, тихо делился мечтой: «выслужусь — и дом построю, чтобы у речки, и лес рядом, и ни тебе дежурств, ни варваров, ни сволочей разных». А грек жаловался на молодых рекрутов, мол, «и все они лучше стариков знают... ты им о противнике, а они тебе про донатив; им бы только деньги считать, пока их самих по частям не пособирают».

В воздухе приятно пахло копченым мясом и дымом, который казался слегка сладковатым, умиротворяющим. Я почувствовал, как впервые за этот день в моем теле появилась долгожданная теплота. Иллюзия безопасности медленно окутывала нас, и на миг я почти поверил: ничего страшного сегодня не произойдет, и мы скоро вернемся домой.

— *Alarm* (Тревога)! — вдруг крикнул часовой, стоявший на посту, — *ad arma* (к оружию)!.

Бойцы мгновенно вскочили со своих мест и обнажили оружие, заняв круговую оборону. Лучники схватили луки и изготовились к стрельбе. Я выхватил свой пугио и даже достал из костра обгорелую палку в качестве оружия, словно это могло меня как-то защитить.

Что-то явно шевелилось в стороне, шагах в двадцати от нас. Но из-за сплошной стены тумана разобрать что-либо дальше было невозможно, оставалось только ждать, пока враг не нападет первым.

На миг в воздухе повисла мертвая тишина, которую прервал лишь хлесткий звук натянутой тетивы. Каждый мой мускул был напряжен до предела, а сердце колотилось так, что его могли слышать остальные.

Вдруг из облака тумана показался силуэт высокого человека, укутанного с головы до ног в серый дорожный плащ. Лица его видно не было. Одной рукой человек опирался на деревянный посох, вторая рука была спрятана в складках плаща. На боку висела потертая холщевая сумка. Путник уверенно шел к нам навстречу и его ничуть не смущал десяток вооруженных людей. Короткие сапоги монотонно скрипели на снегу.

— Stā (стой)! — рявкнул Секунд, — назови мне свое имя, или лучники превратят тебя в пустынного ежа!

Путник остановился всего в десяти шагах от нас и медленно опустил капюшон. Солдаты замерли, готовые применить оружие.

Перед нами предстал седовласый старик лет семидесяти. Его правильное, морщинистое лицо было удивительно спокойным; почти бесцветные глаза смотрели отрешенно, словно у жреца давно забытого бога. Старик поднял левую ладонь в знак мира и заговорил громким, неожиданно бодрым голосом:

— Стойте, fortes custodes (доблестные стражи)! Меня зовут Авл Геллий! Я писатель и путешественник. Прибыл из далекой Аттики, чтобы записать нравы и обычаи здешних народов, — он сделал изящный, почти театральный поклон в сторону Секунда, — скажите, это местный mos maiorum (обычай предков) — испытывать гостей стальной, или мне выпала особая честь?

Бойцы переглянулись, чувствуя, как напряжение спадает. Мечи, луки и кинжалы заскользили вниз. Вблизи стало ясно, что говорливый старик и впрямь измотан дорогой: плащ его был протерт до дыр, обувь изношена, волосы засалены. Но взгляд его, ясный и пронзительный, был совсем не старческим.

— Убрать оружие, — скомандовал Секунд.

Бойцы тут же убрали оружие. Старик подошел, взмахом руки поблагодарил нас за проявленное «гостеприимство» и, почему-то обратившись ко мне, спросил:

— Позвольте разделить с вами очаг и трапезу?

— Конечно, — ответил я, указав на место у костра, — присаживайтесь. Я — Алексис, а это наш командир, Секунд. Нас, как и вас, во время патруля застала непогода.

— Да, — улыбнулся Авл, усаживаясь рядом со мной, — я воображал увидеть здесь песчаные дюны, но попал в сугробы, словно вновь оказался в стране Гипербореев. Боги, видно, решили испытать нас тем, чего в природе быть не должно.

Бойцы расслабились и вновь уселись у огня. Только Секунд сидел молча, хмурясь. Когда я склонился к нему поближе, он незаметно шепнул мне:

— Словно из воздуха возник. Слишком ловок для мудреца... Будь настороже.

Я кивнул и посмотрел на нежданного гостя, который, как известно, хуже парфянина. Старик никак не походил на чудовище, терзавшее Александрию, но ведь и эмпуса долго успешно прикидывалась человеком...

Пока Авл доставал из своей сумки припасы, в целях проверки я решил задать ему несколько вопросов. При этом рука моя непроизвольно покоилась на рукояти кинжала.

— Давно вы в пути? — спросил я, поежившись от холода.

— Уже несколько лет, друг мой, — с готовностью ответил Геллий, — но и это не предел. Я намерен собственными глазами увидеть все семь чудес света.

— Дерзкий замысел, — отметил Секунд, также слушавший путника, — и многое удалось узреть?

— Ipsum iudicate (судите сами)! — старик извлек из сумки тяжелую книгу и развернул ее на коленях, — к тому же я неплохо рисую.

При свете костра на желтых страницах стали различимы аккуратные рисунки углем: Колосс Родосский, величественный Зевс из Олимпии, висячие сады Семирамиды, пирамиды в Гизе, храм Артемиды в Эфесе, Мавзолей в Галикарнасе и десятки других, менее известных, памятников и сооружений со всех уголков империи.

— Я назову это «Справочник по семи чудесам света и не только» — торжественно заявил старик, — осталась последняя глава: увидеть воочию и описать Фаросский маяк! — почти бесцветные глаза старика загорелись мальчишеским огнем.

Должно быть этот одержимый древностями человек был явно не от мира сего, но в его взгляде я уловил пытливый ум и отсутствие злобы. В Александрийском Мусейоне я часто видел таких среди преподавателей: нелепые на вид, они умели ставить вопросы, на которые не находилось ответа ни у царей, ни у жрецов. Умный правитель брал их к себе на службу, глупый же гнал в тюрьму.

Не успел я вставить и слова, как старик затараторил дальше, словно он сдерживал эту лавину слов только ради того, чтобы излить ее первому встречному. Которым по несчастью оказался я.

— ...Понимаете? Потому-то я и держу путь в Александрию! В библиотеке я намерен провести дебаты с Клавдием Птолемеем. Его зовут величайшим ученым эпохи, но, поверьте, это заблуждение!

— Возможно, так и есть, — возразил я, — его труды известны всем: астрономия, география, оптика, музыка. Я имел честь учиться у него.

— Молодость слишком доверчива, — саркастически заметил Авл Геллий, — лет через двадцать вы поймете, что «многознание уму не учит». Это не я сказал — это Гераклит.

С гордым видом он захлопнул книгу и воскликнул, вознося голос к небесам:

— Это труд всей моей жизни, рожденный не в пыльной обсерватории, а на дорогах империи — от Геркулесовых столпов до Понтийского моря. И его будут читать через тысячу лет!

Я улыбнулся. Солдаты у костра его не слушали: они переговаривались о своем. Только Секунд, насупив брови, следил за каждым словом и движением старика. По-солдатски, молча и внимательно.

Поглощенные беседой, мы и не заметили, как настала глубокая ночь. Небо очистилось от облаков и серебристый свет луны залил все вокруг. Я посмотрел вверх, на звезды. В небе отчетливо выделялись три яркие звезды пояса Ориона и бесчисленное множество других светил. Слушая болтовню Авла Геллия, который перечислял громкие имена философов и ученых, якобы знакомых ему лично, и которые уж точно лучше Птолемея, я сам погрузился в размышления.

Кир, Александр, Октавиан — властители великих держав. Каждый из них, несомненно, верил, что властвует почти над всем миром. Но века прошли, и от их величия остались лишь легенды и предания. Их свита, их приближенные, их дети и возлюбленные — все давно исчезли, и даже память о них развеялась. Что уж говорить о простых людях: империи, как звезды, рождаются и гаснут, а вместе с ними растворяются в вечности и наполняющие их народы.

И только боги остаются в памяти людей! Египетский Амон-Ра, греко-римский Зевс-Юпитер, персидский Ахура-Мазда... Каждый народ верит, что за ними приглядывают, оберегают. Но вглядываясь в холодное черное небо, я спрашивал себя: есть ли хоть одному из них дело до нас и наших страданий?

Стоики учили: человек не должен печалиться о том, что вне его власти. Вглядываясь в небеса, я не мог отделаться от мысли: если даже величайшие из смертных исчезли без следа, то что тогда останется после меня? Неужели моя жизнь лишь искра, которая, взлетев, так быстро погаснет в темноте?

Я уже хотел задать свой вопрос гостю, но в воздухе раздался тревожный крик часового. Мы вскочили на ноги, всматриваясь в серую мглу.

Эксцентричный Авл Геллий, несколько не стесняясь, спрятался за нашими спинами. Секунд бросил на него насмешливый взгляд — нет смысла ждать героизма от человека науки. Но его лицо смягчилось, когда он заметил, как старик вытащил из-за пазухи восковую табличку и торопливо заскреб по ней стилусом.

— Вот уж где талант не пропадет, — сказал он, достав из ножен свой меч, и крикнул, — приготовиться к бою!

В тот же миг из пелены тумана на нас показалось существо, бытие которого казалось невозможным даже сейчас, когда оно воочию предстало перед нами. Оно двигалось медленно, неспеша, с уверенной поступью хищника, знающего, что жертве от него не скрыться. При свете луны и костра нам открылся его отвратительный облик, внушающий омерзение одним только фактом существования.

С виду монстр напоминал огромного льва, но с гораздо более редкой гривой, массивной фигурой и широкими плечами, как у саблезубого тигра из древних легенд. Огромные передние лапы были вооружены длинными когтями, которые не втягивались, как у бактрийского барса. Редкая рыжая косматая грива на шее и груди была всклокочена и лезла во все стороны.

Однако на этом сходство с большими кошками заканчивалось.

Вместо львиной морды на нас уставилась здоровенная, тупая морда крокодила, зубастая пасть которого была сомкнута. Кривые зубы торчали во все стороны. Глаза звероящера смотрели на нас равнодушно и хладнокровно — так, как змея смотрит на выводок беспомощных мышат, поданных ей на ужин. При этом задние лапы создания казались неуклюжими, громоздкими и оттого пугающе сильными.

— Ам-мут — прошептал египтянин, и в его голосе слышался древний ужас, словно он встретил живое воплощение древнего мифа, — пожирательница мертвых...

Где-то позади я услышал быстрый, сбивчивый шепот Авла Геллия. Он торопливо царапал стилусом по восковой табличке и бормотал как сумасшедший, едва переводя дыхание:

«Мы воочию наблюдаем Амнат — не то чудовище, не то защитницу из Дуата, мира мертвых египтян. Она помогала Осирису вершить последний суд над смертным и съедала сердце грешника, если оно было нечистым».

Его слова лишь вторили тому, что я понял сам без всяких энциклопедий. Все сразу встало на свои места.

Убийцей людей был не лев и не крокодил, и даже не гиппопотам, людей убивал кошмарный гибрид этих животных, что в полной мере объясняло странности в уликах, которые мы находили в останках и на которые обратил внимание Гален.

Монстр приближался медленно, осторожно и бесшумно. По-кошачьи слегка припав к земле, он бросал взгляд то на одного, то на другого воина, будто выбирая себе первую жертву.

Лучники — грек и сириец — синхронно взметнули луки, целясь в существо. Остальные сомкнули строй, выставив щиты и гладиусы, заняв позиции полукругом. Еще миг назад в их глазах были страх и оцепенение, но это прошло, оставив место холодной решимости. Каждый понимал: это бой не с обычным хищником, а с существом из иного мира; от действий каждого зависит судьба отряда.

Тела воинов были напряжены, оружие ярко блестело при свете костра и звезд. Секунд шагнул вперед. Его зычный голос разрезал тишину, словно удар пилумом о щит:

— Не дрожать! — крикнул Секунд, — это всего лишь зверь, искалеченный богами в назидание смертным!

В одно мгновение, словно молния, Амнат прыгнула на галла, оказавшегося прямо напротив. Тяжелое тело чудовища смяло ростовой щит, сбilo воина с ног и придавило его к земле.

Галл успел вслепую полоснуть спатой по морде зверя — на снег брызнула темная кровь. Почти сразу в бока монстра с двух сторон, просвистев, вонзились стрелы, но тварь даже не дрогнула.

С крокодилей яростью пасть сомкнулась на голове галла. Одним мощным рывком Аммат вырвала ее из тела вместе с позвонками, и фонтан крови брызнул вверх. Крик ужаса пронзил ночь.

Я оцепенел. Остальные бойцы, потрясенные расправой, невольно отступили на шаг.

— Держать строй! — проревел командир, — во имя Марса!

С гладиусом наперевес Секунд лично ринулся прямо на чудовище. Воистину, воина бесстрашней Рим не знал со времен великого Цезаря.

Монстр развернулся к Секунду, и на миг наши взгляды пересеклись. Глаза Аммат не несли ни ярости, ни злобы, ни даже звериного инстинкта. В них зияла пустота, бездонная пропасть Дуата, холодная и бесстрастная.

Казалось, передо мной не зверь, а сама смерть, воплощенная в теле чудовища, равнодушная к делам смертных. И все же кровь, капающая из его пасти, и обезглавленный воин у наших ног напоминали: эта пустота хочет лишь одного — убивать.

Секунд прикрывался щитом, нанося быстрые колющие удары, но чудовище ловко уходило от каждого из них, играя с ним как кошка с мышью. Оно рыскало из стороны в сторону, дергаясь с неестественной скоростью, и каждый выпад легионера попадал в пустоту.

Остальные, держа дистанцию, взяли существо в плотное кольцо. Вдруг фракиец вырвался вперед и, подняв свою ромфею, обрушил на шею твари рубящий удар. Но звероящер, предугадав это движение, увернулся в последний миг. Стрелы одна за другой впивались ему в бока, однако он лишь ревел от ярости, не снижая натиска.

Снег под ногами солдат стремительно обгагрался кровью, а лунный свет и блики костра превращали схватку в жуткий театр теней. Фракиец продолжал отвлекать зверя, пока другие наносили быстрые удары гладиусами, одновременно прикрывая друг друга щитами. Лица бойцов были искажены страхом, но руки били твердо.

Работала железная римская дисциплина.

Казалось, что победа уже близка, но вдруг чудовище внезапно рванулось вперед и проломило строй как таран. Нубиец, несмотря на силу и рост, рухнул, сбитый страшным ударом. Перепрыгнув через его тело, тварь метнулась к испанцу. С хрустом она вцепилась ему в руку и швырнула прочь, будто тряпичную куклу. Раздался крик и боец, закрутившись в воздухе, рухнул в нескольких метрах от схватки.

Заметив, что его рука неестественно вывернута, я вместе с Авлом Геллием бросились к нему на выручку, схватив его за ноги и оттащив подальше от места схватки.

Лучники, опомнившись, вновь начали стрелять, но в суматохе несколько стрел попали в щиты бойцов, а одна из них пробила плечо нумидийца. Охнув от боли, солдат выронил щит, чем тут же воспользовался монстр, вцепившись ему в шею. Алая кровь вновь окропила снег.

Оставшиеся легионеры сомкнули щиты и вновь атаковали с отчаянной яростью. Лезвия впивались в морду и туловище существа, из десятка ран стекали струйки крови. Звероящер, с выбитым глазом, утыканный стрелами как дикобраз, ревел и отступал. Но силы воинов также были на исходе. Тяжело дыша, они с трудом держали строй.

Вдруг у сирийца закончились стрелы. Он уже тянулся к мечу, но было поздно. Существо метнулось к нему, почуяв слабое звено. Я действовал, не думая: схватив из костра горящую палку, я швырнул ее в чудовище. Существо уклонилось от атаки, но сириец успел отскочить.

И тут Секунд, все это время упорно атаковавший монстра, точным ударом отсек ему переднюю лапу. Чудовище взвыло, отпрянув как побитая собака и прижав культю к груди. Черная кровь хлестала ручьем.

Наступила короткая, напряженная передышка. Тварь тяжело дышала, из пасти капала кровавая пена. Но бой был не окончен.

И вдруг из-за спин товарищей выскочил фракиец. Его ромфея сверкнула в свете звезд — и мгновение спустя мерзкая крокодилья голова уже катилась по снегу с открытой пастью и вытянутым языком.

Бой был окончен. Сокрушительный удар фракийца окончил схватку. Тяжело дыша, боец пнул мертвую голову. Уцелевшие легионеры, измученные, но живые, поспешили к раненым. Секунд подошел к победителю и впервые назвал его по имени:

— Молодец, Дромос. Твоя ромфея спасла нас, — сказал он и похлопал воина по плечу. Казалось, что все позади.

Мыслители-эллины, вне зависимости от философской школы, учили: даже самый очевидный исход может измениться самым непредсказуемым образом. А римлянин Цицерон прагматично добавлял: *fortuna саеса ест* (судьба слепа).

Вдруг мы увидели невозможное.

Неподвижное тело чудовища изнутри вспыхнуло нездешним светом — сперва ярко-красным, затем — розовым и фиолетовым. Он пробивался сквозь плоть и кожу, вычерчивая перед нашими глазами кости, вены, артерии.

Затем безглавое тело зашевелилось. Оно раздулось, покрылось пузырями, будто в него закачивали яд или горячий воздух. Отсеченная лапа выросла вновь, перекошенная и уродливая. Раны затягивались, скрывались под багровыми вздутиями. На месте одной головы почти мгновенно выросли две. Одна — полульвиная, другая — прежняя, крокодилья, но еще более мерзкая. С обеих капала вязкая розовая слизь, и глаза зверей, пустые и холодные, уставились прямо на нас.

Существо поднялось. Раздутое, исковерканное, оно пошатывалось, как новорожденный ягненок. Его крик нельзя было назвать ни ревом, ни воем — это был визг, разрывающий уши, словно вопль умирающего и рождающегося одновременно. Существо медленно двинулось вперед, оставляя за собой кровавый след.

Мы оцепенели. Секунд и бойцы снова поднимали оружие, но на лицах их застыл ужас. Авл Геллий, обычно не замолкающий, потерял дар речи, выронив табличку из рук. Я и сам на миг перестал мыслить здраво, тупо вцепившись в яшмовый медальон на шее. Он оставался холодным, не реагируя на существо.

Стало ясно: яшмы тварь не боится. Обычным оружием ее не убить. Здесь действовали иные, отличные от прежних, законы бытия.

— А что если эта дрянь заразна?! — выкрикнул Секунд, выглядывая из-за щита.

— Возможно, — просипел я, чувствуя, как пересохло в горле, — ничего подобного я не видел.

— Аммат больна, — глухо произнес египтянин, переводя дух, — какая-то болезнь не дает ей умереть.

— Тогда тем более, — сжал зубы Секунд, — ее нужно убить. Мы не можем позволить этой твари добраться до города.

Вдруг справа, со стороны озера Мареотис, донесся глухой, гулкий плеск, будто в воду упал валун. Мы обернулись, уставившись на воду. Но то был не камень: вода «дышала» изнутри, вздымаясь и оседая. Холодная гладь озера ожила, покрылась рябью, и вскоре вода заплесала, порождая волну за волной. Будто задышал циклоп, пробудившийся от векового сна.

В пятидесяти шагах от нас, там, где глубина достигала добрых десяти — пятнадцати локтей, вода внезапно заклокотала. Волны разошлись, взбивая клоки пены, ила и водорослей. Этот плеск заполонил все вокруг.

Из черной глубины показалась огромная, размером с телегу, змеиная голова. Пасть ее была сомкнута, но наружу то и дело высовывался чудовищный язык, рассекающий ночной воздух. Голова поворачивалась туда-сюда. Казалось, змей пробует на вкус этот мир.

Потом началось невообразимое: змея стала расти. Медленно, будто преисполненная величием, она поднималась из глубины. Из озера вынырнуло огромное туловище, покрытое темно-зеленой чешуей, сверкающей при свете звезд.

Огромные глаза, сиявшие фиолетовым огнем, глядели на нас и на переродившуюся Аммат с одинаковым равнодушием, как на жалких букашек, застрявших в мире живых. В них не было ярости — лишь равнодушие хаоса, который не знает ни милосердия, ни жестокости.

Сквозь волнение я отметил интересную деталь: голова змея, особенно его глаза, были непропорционально больше тела змея, словно это был только что родившейся *змееньши*.

Змееньши колоссальных размеров...

Внутри меня пробежал холодок: даже если я брошу оружие и со всех ног побегу прочь, я все равно не успею скрыться от этого гиганта.

— Не верю своим глазам... — задыхаясь, выдохнул Авл Геллий, — неужели это сам Апоп?! Или, как зовут его греки, Апофис, извечный враг Ра, что каждую ночь сражается с ним в Дуате за власть над миром!

— Или Пифон, которого сразил Аполлон, — добавил я.

— Неважно, — мрачно заметил Секунд, сжимая рукоять гладиуса, — мы видим миф на наших глазах. И против такого чудовища... У нас нет ни малейшего шанса.

Египтянин, до этого отважно сражавшийся с Аммат, вдруг рухнул на колени. Его щит и меч глухо воткнулись в снег, руки поднялись к небу, а голова склонилась в смирении. Голос воина, полный отчаяния и молитвенного трепета, разнесся над побережьем:

— О Апоп, владыка тьмы и ночи, властелин хаоса и раздора, пощади нас! Мы — лишь смертные. Мы не хотели вызвать твой гнев. Мы лишь защищали свои жизни... — он указал на переродившуюся Аммат, — от этого.

Гигантская змея выползла на берег. Снег таял от тепла ее тела. Змей бесшумно приподнял голову на высоту в шесть, а может, и в семь человеческих ростов, и замер, нет, *завис* над нами.

Мы окаменели, вцепившись в оружие, не смея даже пошевелиться. Внутри все сжималось, инстинкт кричал: бежать! — но ноги не слушались. Я машинально сжал яшмовый медальон на груди. Бесполезно. Он по-прежнему холоден, как обычная вещь.

«Значит, против порождений Дуата он бесполезен», — догадался я.

Аммат, переродившееся чудовище, тоже застыло напротив Апопа. Оно ревело то ли в страхе, то ли в приветствии; звук был похож на рев гиппопотама. В огромных фиолетовых глазах Апопа зловеще отражалось пламя костра.

Ощущение инаковости сцены, представшей перед нами, вызывало у меня внутри первобытное отторжение.

Глядя на Апопа вблизи, можно было ощутить на себе его чудовищные размеры: длина — около стадия, толщина — в добрый десяток педов, а каждая чешуйка на его коже величиной с ладонь воина. Он возвышался над нами, как живая гора, и мысль о сопротивлении казалась смешной, нелепой. Оставалось молиться, что он уйдет прочь.

— Такую тварь даже баллиста не пробьет, — прошептал рядом со мной Секунд.

Вдруг Апофис, вопреки своим габаритам и массе, рванулся вперед с чудовищной скоростью. Его пасть, разинутая прямо надо мной, обнажила четыре клыка — длинные, как копья, способные пробить коня вместе со всадником. Красная, покрытая сетью сосудов глотка, дышала жаром смерти и ужаса.

Инстинктивно я выставил левый кулак с медальоном вперед, словно щит, а правой рукой изо всех сил сжал рукоять пугио, готовый нанести отчаянный удар.

Стоики учили, что перед лицом смерти нужно сохранять разум: умиротворенно встретить ее, как возвращение в то состояние, в котором мы были до рождения. Но — бессмертные

боги! — как же легко рассуждать о спокойствии в тиши библиотек и как тяжело, когда на тебя несется сама смерть!

Мгновения таяли, но ничего не произошло. Я услышал крик воина и открыл глаза.

Апоп атаковал не меня. Его внимание обратилось к Аммат. Перерожденное чудовище отчаянно завизжало, заревело, но гигантская змея одним плавным движением схватила его, подбросила в воздух и проглотила целиком. Две отвратительные головы исчезли в его пасти.

А затем — тишина. Змей, равнодушный к нам, развернулся к морю и пополз дальше, а его бесконечное тело, извиваясь, исчезло в тумане.

Дрожь наконец отпустила меня, и только тогда я почувствовал руку Секунда на своем плече.

Небо начинало светлеть. Легионеры один за другим вставали на ноги. Некоторые молились, другие глядели на наступающий рассвет. Сирийский лучник молча перекрестился.

Секунд оглядел поле боя, залитое кровью и розовой дрянью, оставшейся от чудовища. Взглянув на тела павших товарищей, он закрыл глаза, вознес короткую молитву Марсу-Победителю.

Оправившись от шока, мы с Авлом Геллием спешно взобрались на высокую насыпь вдоль дороги. Оттуда мы увидели, как Апофис, достигнув занесенного снегом побережья, уползал в море. Его гигантское тело рассекало волны, словно гигантская галера, а рыбацкие лодки разлетались в стороны, как вспугнутые котом голуби. На берегу кричали рыбаки и часовые, ставшие свидетелями явления чудовища.

Я стоял, по-прежнему сжимая в кулаке медальон, и в голове складывалась жуткая, но ясная картина. Должно быть у каждого существа есть своя слабость. Эмпуса боится яшмы, Аммат боится Апопа-Пифона, а он сам... Кто знает? Быть может, и у него есть господин? Тот, кто вызвал его в этот мир?

Это походило не на хаос, а на бесчеловечный порядок. Но кто мы, люди, в нем? Всего лишь пешки, уповающие на милость богов? Или в нас есть нечто, что может потягаться с их замыслом? Есть ли у нас камень, что склонит чашу весов в нашу пользу в решающий миг?

С восходом солнца весь город заговорит о том, что конец времен близок. Впервые я подумал: неужели это правда?

Поднимаясь по лестнице во дворец наместника Египта, я вспоминал Сенеку, предупреждавшего: «чтобы попасть во дворец, нужно вытерпеть множество унижений, но внутри их будет еще больше». Количество испытаний смягчалось лишь великолепием убранства дворца, созданного руками лучших мастеров эпохи.

Дворец греческих фараонов Птолемеев уже почти два столетия служил резиденцией римских префектов, сменявшихся каждые четыре года, и каждый из них вносил в него свои штрихи: будь то мраморные колонны и статуи, расписанные мозаиками стены, удивительные фонтаны и залы, утопающие в зелени. Я невольно восхитился зрелищем, хотя стоики учили: декоративное искусство также далеко от добродетели, как и гладиаторские бои от философии.

Но более всего меня поражала мозаика на потолке в приемной кабинета Гая Стациана. На куполе сияла сцена битвы олимпийцев и титанов. Небо горело огнем, пеплом и паром, вулканы извергались, море кипело, текла лава. На земле, на воде и в воздухе бушевала последняя битва.

В центре, под самым куполом, Зевс-Юпитер сошелся в смертельной схватке со своим отцом Кроносом-Сатурном. Лица обоих были искажены гневом, в руках сверкали молнии, направленные друг другу в сердце. И не видно конца этой битвы, не ясно, кто выйдет из нее победителем...

— Как же так получается? — ругался Стациан, — я послал вас пресечь исчезновения, успокоить толпу... А в итоге все обернулось наоборот! — он нервно водил стилусом по карте

города, расчерченной линиями улиц и кварталов, — уже третий день народ штурмует храмы, моля богов о спасении, потому что, видите ли, сам Апофис явился карать грешников. Грядет конец времен! — воскликнул он и откинулся на спинку кресла.

Рядом с ним, в боевом доспехе, с шлемом в руках, вытянувшись по струнке, стоял Секунд. Он молча слушал недовольного начальника, речь которого продолжалась уже какое-то время. Чувствуя внутреннюю правоту, я аккуратно подошел к столу и попытался объяснить ситуацию.

— Мы сделали все, что могли, dominus (господин), — сказал я, — точнее, сделать мы ничего не могли. А если бы я сам не видел это чудовище собственными глазами, ни за что бы не поверил, что оно выползло из Мареотиды.

— Да тут и без вас все ясно! — вспыхнул Стациан, — змеинный след шириной с бирему и со стен видно! Но мало мне чудовищ — вы еще и этого сумасшедшего, Авла Геллия, в город привели! Он только подливает масла в огонь и нагнетает панику!

— Мы его не приводили, господин praefectus Aegypti (префект Египта), — спокойно произнес Секунд, — он пришел сам. Он римский гражданин. Оснований выдворить его из города не было. Таков закон.

— К тому же, — добавил я, — он проявил доблесть и помог спасти раненого бойца.

Префект Египта, самый могущественный человек на этом конце света, по чьему приказу нас могли бы в тот же день скормить крокодилам (которых и поныне держали во дворце со времен фараонов), вскочил со стула и взорвался тирадой:

— Если бы я дал вам двоим на пару командовать легионом вместо Кассия, то через день лишился бы половины своих солдат! — гневно бросил он, — ладно Алексиус, гражданский человек, с него спрос невелик. Но ты, Секунд! Клянусь Геркулесом, после этого я век не подпишу тебе ходатайство о повышении: с потерей личного состава ты справляешься лучше, чем германцы и парфяне вместе взятые!

Секунд опустил взгляд, но ни один мускул на его лице не дрогнул. Выдержка воина была безупречна — он даже не покраснел. Я же, напротив, ощущал, как мое лицо горит сильнее, чем физиономия самого упитанного сенатора на форуме.

Однако правда оставалась на нашей стороне. Мы рисковали жизнью и могли остаться там, на берегу. И Стациан это прекрасно понимал... Хотя и не мог признать это вслух.

— Как я указал в своем relatio (рапорте), — спокойно произнес Секунд, — этот змей, Апоп это или Пифон, Тартар его знает, сожрал зараженное существо, с которым мы бились и против которого сталь была бессильна. Кто знает, что было бы, доберись оно до города.

— Я читал твой рапорт, не пересказывай, — отмахнулся Гай Стациан, — но теперь мой город взбудоражен слухами о конце света. И все это — накануне визита императора!

— Император прибудет в Александрию? — удивился я, — не слышал об этом.

— Никто не слышал, — отрезал Стациан, — в целях безопасности. Подготовка идет тайно. А теперь представьте картину: исчезновения в центре, убийства на окраинах, а теперь уже и конец света не за горами! Что скажет император?

— Господин, если молва об императоре правдива хотя бы наполовину, опасаться нечего, — не удержавшись, возразил я, — ведь он приверженец стоической школы. А стоики говорят, что ...

— Довольно философии! Еще одно слово, и вы оба отправитесь...

Он резко оборвал речь и наконец тяжело опустился на стул. Мы с Секундом замолчали. Сложив руки и опершись подбородком на пальцы, префект долго и мрачно смотрел на карту города, будто надеялся найти на схеме верное решение.

— Секунд Фабий Максим, — scomандовал он, — отправляйтесь в расположение III Августова легиона к легату Кассию. Передайте это письмо, доложите обстановку. До особого распоряжения вернетесь на службу в легион. Свободны.

— Вас понял, господин префект, — отчеканил Секунд и вышел.

Он не подал виду, но я заметил, как его лицо дрогнуло на мгновение, словно распоряжение префекта было ему не по нраву. Однако тут же оно приняло привычное выражение.

Когда шаги его стихли, Стациан, выдержав паузу, обратился ко мне:

— Вам иное поручение. Завтра ваш новый знакомый, Авл Геллий, собирается провести дебаты в Серапиуме с самим Клавдием Птолемеем. Событие публичное, ожидается толпа зевак, но будет и цвет города. Вы обязаны присутствовать там.

— Слушаюсь. О чем дебаты?

— Без понятия, — проворчал префект, — что-то про богов и людей... Подозреваю что тот, кто стоит за происходящим, может из интереса появиться там. Смотрите в оба и отмечайте все неладное. Полномочия широкие. Отчитаетесь лично.

— Будет исполнено, — ответил я, и, несмотря на тревогу, ощутил радость. Вернуться в alma mater и снова услышать великого Птолемея — лучшей работы и придумать нельзя.

Я уже направился к двери, где на посту стоял суровый телохранитель-германец, когда префект, будто смутившись, негромко добавил:

— И еще, Алексиус... Будьте осторожны.

— Понял, — кивнул я и вышел из кабинета.

Эхо шагов раздавалось под сводами дворца. Идя по коридорам, я чувствовал себя капитаном рыбацкой лодки, выходящей из тихой гавани в открытое море, где рассекают волны тяжелые суда — триремы и квадриремы. Выдержит ли мое утлое суденышко грядущий шторм?

Я сжал в ладони яшмовый медальон, взглянул на серебряное кольцо с надписью "Это пройдет" и шепнул самому себе стоический девиз:

— Amor fati (что означало — люби свою судьбу).

И шагнул вперед, где вместе с дыханием древнего города отзывался гул надвигающейся бури.

Глава 3. Узники в пещере

Хотя знаменитый Серапиум находился на юго-западе Александрии, в духовном смысле он был ее сердцем.

Казалось, что возвышающаяся в центре храма величественная статуя Сераписа, бога, особо чтимого со времен греческих фараонов Птолемеев, глубоко символична и сама по себе. Серапис — гибрид Аполлона и Осириса — был не просто божеством, но воплощением эллинистического Египта, прямым доказательством того, что греко-римский и египетский миры могут не только сосуществовать, но и взаимно обогащать друг друга.

Великое солнце Египта не должно было знать различий: оно одинаково освещало и лагерь легионера, и гимнасий философа, и алтарь местного бога. Такова была воля Рима — вместить в орбиту своего мира (*orbis terrarum*) и завоеванных, и пришедших в империю мирно. Распростертые руки Сераписа говорили об этом не меньше, чем проповеди его жрецов.

Ожидая большого наплыва народа, я вышел из дому пораньше и уже к полудню шагал по главной улице, ведущей к храму. Предчувствие оказалось верным: со всех концов Александрии неспешно стекались люди, говорившие на самых разных языках.

Посторонний мог бы подумать, что горожане направляются не на ученый спор, а на финал гладиаторских боев или последнюю в сезоне гонку колесниц. В этом смысле с Александрией могли поспорить разве что Афины; но афинские театры давно опустели, в то время как александрийские по-прежнему не знали отбоя от жаждущих высокой культуры.

Добравшись до Серапиума, я начал подниматься по его знаменитой храмовой лестнице, насчитывающей ровно сто ступеней. Свежий морской воздух, принесенный ветром из гавани, наполнял легкие, и я то и дело оборачивался, любуясь видом. С высоты открывалась вся Александрия, и только сам Фарос мог поспорить за право считаться лучшей обзорной площадкой города.

По обеим сторонам лестницы высились позолоченные ряды статуй мужественных героев и изящных богинь. Между ними рядами тянулись оливковые, финиковые и цитрусовые деревья, ухоженные с той тщательностью, что была достойна великого храма. На небольших островках зеленели клумбы с яркими цветами, среди которых особенно выделялись кусты роз, источавшие приятный аромат.

Здесь и там на мраморных скамьях отдыхали шумные компании: юноши и девушки, мужчины и женщины, старики и дети. В воздухе звучала музыка: тибии, флейты и лиры перекликались друг с другом, наполняя место легкой, почти праздничной атмосферой. Можно было даже подумать, что весь город выдохнул и вышел на улицу, чтобы отпраздновать возвращение солнца после долгого и чуждого ненастья.

Но все же за этой радостью таилась тревога. Сквозь смех и музыку в лицах горожан проступало напряжение: уже неделю единственной темой для разговоров было явление чудовища, прозванного Апофисом. Многие на пути к храму спешили принести жертвы — и особенно могущественному Серапису, покровителю эллинистического Египта.

Впрочем, страх за будущее не мог затмить ожидания события настоящего — грядущих дебатов между блестящим ученым Клавдием Птолемеем и неутомимым путешественником Авлом Геллием.

Клавдий Птолемей был известен на всю империю как ученый энциклопедических познаний. Многие называли его «новым Аристотелем». Но он был человеком кабинета и аудитории; его стихией были свитки, приборы и вычисления, а не дороги и дальние странствия.

Геллий же, напротив, был исследователем практического толка; он исходил империю на собственных ногах, видел мир своими глазами и записывал наблюдения не в тишине скрип-

тория, а на полях и шумных городах. Их взгляды на науку стояли на разных полюсах: один утверждал господство теории, другой — верховенство практики.

Но объединяло их одно: оба считались непревзойденными мастерами слова. И, учитывая последние тревожные события, заявленная тема их диспута — пределы вмешательства богов в дела людей — разжигала интерес образованной части Александрии до белого каления.

Храмовый комплекс Серапиума хранил немало сокровищ. Под его сводами и за стенами в специальных нишах и полках покоились сотни свитков, собранных со всех концов империи. Их было меньше, чем в самой Великой библиотеке, но и здесь можно было найти труды почти любого греческого или римского философа.

Особую гордость жрецов составляла небольшая коллекция переводов сочинений китайских мыслителей и индийских богословов, доставленных при Птолемах. Для всякого, кто искал ключи к скрытым тайнам микро и макрокосма, Серапиум был подлинным чертогом разума.

В центре храмового комплекса располагалась просторная греческая сцена — аудитория под открытым небом. Внизу находилась орхестра, полукруглая площадка, где обычно выступали жрецы или философы. Вокруг уступами, словно по склону холма, поднимались ряды каменных сидений, образуя театр в его классической традиции.

Подсчитать точное число мест было трудно, но глаз подсказывал: несколько сотен зрителей могли разместиться здесь без труда, при этом в любой точке зала была великолепная слышимость.

В этот момент на сцене шла утренняя проповедь. Народ все прибывал, и я поспешил занять место в первом ряду.

Перед собравшимися выступал высокий седой жрец, худошавый, словно высушенный солнцем и временем. Его белая туника с тонким золотым орнаментом сверкала в лучах света, а на груди висел сверкающий амулет с символом Сераписа — сияющим солнцем с расходящимися во все стороны лучами.

Говорил он негромко, но идеальная акустика сцены была такова, что каждое слово, даже шепот, долетало до дальнего ряда насколько четко, будто жрец наклонялся к уху каждого зрителя. Это рождало гипнотическое ощущение личной беседы, захватывая и подчиняя волю слушателей.

— Помните, — сказал он, — и впереди, и позади нас бездна. А мы — лишь песчинки на берегу великой реки, которую зовут пространством и временем. Тезис, восходящий еще к Гераклиту, но не потерявший своего значения и сегодня.

Несколько десятков слушателей, рассевшихся по каменным сиденьям, внимали ему, не отводя взгляда. Жрец продолжал, чуть повысив голос:

— Скажите, какая разница, прожил ты тридцать лет или триста, если через одно-два поколения от тебя не останется и следа? Даже от великих царей, правивших народами и землями, осталась лишь пару строк в исторических сводках!

Я невольно кивнул: с этим трудно было спорить.

— Так в чем же смысл? — голос его вновь стал доверительно-тихим, — мы суетимся в своих делах, добываем хлеб насущный, забываем, что до нас тысячи таких же спешили, страдали, любили... Чтобы затем кануть туда, откуда пришли, — в вечное Ничто.

Из толпы, нарушая раздумье, вдруг прозвучал вызов:

— А как же то, ради чего живут? Дети, семья... Или просто хорошее вино да красивая женщина!

По залу пробежал смешок, но жрец, строго подняв ладонь, укротил его как опытный дрессировщик:

— Конечно, — согласился он без тени насмешки, — вы, как и многие до вас, называете блага: добро, свободу, счастье. Они наполняют жизнь. Но я скажу иначе: у всего есть изнанка. Добру — зло; свободе — рабство; счастьем — горе. Одно не живет без другого, как день не бывает без ночи.

— В чем же тогда истина? — вклинился чей-то нетерпеливый голос.

Жрец медленно возвел очи к куполу, где уже играли солнечные зайчики, и изрек:

— Истина в равновесии. Баланс — вот закон мироздания: даже красота сияет лишь на фоне безобразия. Познав зло, ты ценишь добро. Потеряв свободу, ты жаждешь ее всем нутром. Хлебнув горя, понимаешь, что есть счастье. И только глядя в лицо смерти, понимаешь, кто ты есть на самом деле. Вот путь, что указывают нам боги. И великий Серапис.

Жрец Сераписа продолжил говорить. Я заметил, как многочисленные слушатели ловили каждое его слово, боясь пропустить что-то важное. Его проповедь звучала скорее как лекция, чем обращение жреца солнечного бога. Однако граница между философом и жрецом всегда была зыбкой: одни увлекались наукой и учением, другие — богословием, и нередко эти роли гармонично сплетались в одном человеке.

Спустя десять-пятнадцать минут проповедь закончилась. Немногие ушли, и большинство зрителей осталось ждать предстоящие дебаты. Проповедник задержался у кафедры, аккуратно собрал свои свитки, а затем неспешно сел рядом на ближайшее свободное место в первом ряду, прямо рядом со мной.

Вблизи его внешность было трудно назвать примечательной. Я увиделординарное лицо пожилого египтянина лет шестидесяти, черные кудрявые волосы, местами тронутые сединой. Правильный нос и заостренный подбородок с темной бородой придавали лицу строгую треугольную форму.

Большие карие глаза — слегка навывкате, но спокойные — излучали тихую уверенность человека, примирившегося с миром. Они внушали доверие, хотя в их глубине мелькала тень, нечто похожее на иронию или сарказм, заметить которую можно было лишь совсем рядом.

— Исидор, — представился он, протягивая руку и укладывая рядом сумку со свитками.

— Алексис, — ответил я, пожав его руку. Рукопожатие у жреца было на удивление твердым.

— Вы тоже остались послушать дебаты? — спросил я, усаживаясь удобнее.

Каменные скамьи театра были жесткими, и я предусмотрительно взял с собой кусок льняной ткани. Но на всякий случай я прихватил и второй экземпляр, который любезно протянул Исидору.

— Спасибо, — поблагодарил Исидор, приняв дар, — я, как жрец храма великого Сераписа, обеспокоен происходящим в городе. Вопрос о том, где кончается человеческое и где начинается божественное, вновь приобрел остроту. Почему бы не послушать мнение двух умных и уважаемых людей?

Говорил он размеренно и плавно, но в этой шелковистой интонации просвечивало прикрытое смирением тщеславие. Чувствовалось, что он намеренно оставляет мысль недосказанной — подобно рыбаку, который искусно бросает наживку, а затем замирает, ожидая, пока добыча не клонет сама.

Этот манипулятивный прием был мне знаком; я и сам не раз прибегал к нему с начала службы в префектуре.

— Вы правы, — мягко кивнул я, — но что на этот счет думаете вы сами? Неужели близится конец времен? Что говорит Серапис?

Мой вопрос, возможно слишком прямой для жреца, на мгновение застал Исидора врасплох. Но почти сразу его вытянутое лицо закрылось непроницаемой маской спокойствия.

— Великий Серапис не видит причин для тревоги, — произнес он невозмутимо, — какое дело богам до нынешнего Египта и его забот? Люди всегда любили судачить о конце света. Право, куда острее стоит вопрос с хлебом. Вот где действительно нужна помощь богов.

— Амбары города полны, — заметил я нарочито небрежно, — не думаю, что господин префект допустит нехватку.

— Разумеется, Стациан человек достойный, — снисходительно кивнул Исидор, и в уголках его губ заиграла едва заметная усмешка, — но ни он, ни даже сам император не способны превратить амбарную пыль в муку по одному лишь слову. Это под силу только богу... И далеко не каждому.

Он произнес последние слова нарочито тихо, как бы невзначай, но я почувствовал в них странную силу, словно за гладью букв приоткрылась внезапная глубина.

— Понимаю, — поспешно ответил я, стараясь скрыть свое замешательство.

Мои мысли загудели, как рой встревоженных пчел. Урожай в этом году действительно оказался скудным из-за аномальных холодов. Приоритет по понятным причинам всегда отдавался Риму, и Александрия, житница империи, сама могла остаться без хлеба. Такое уже случалось в период римского владычества.

Вопрос в другом: откуда Исидор об этом знает? Доступ к амбарам имеют единицы, сведения о запасах засекречены, и за их разглашение грозит суровое наказание вплоть до смертной казни. А он говорил об этом так уверенно, словно видел хранилища собственными глазами... Или черпал сведения от нужных людей. А может и откуда-то из глубин, куда простой смертный не заглянет.

Или это просто излишняя подозрительность, *insania* (помешательство), охватившие меня в связи с последними событиями?

— Неужели вы предполагаете, что в городе впервые за двести лет может случиться голодный бунт? — спросил я Исидора прямо, не таясь за фигурами речи.

Я хотел уловить реакцию жреца на мои слова, но в эту секунду мой обзор заслонил тучный вспотевший вельможа в дорогой алой тоге, протискивавшийся между рядами с громким пыхтением. За ним, низко опустив глаза и цепляясь за полы одежды хозяина, едва поспевал худой раб с впалыми щеками. Он непрерывно извинялся перед другими зрителями за своего господина.

— Что вы, что вы! — картинно сложил брови домиком жрец, когда процессия нас миновала, — как вы могли подумать о подобном? Нет, нет и еще раз нет! Это лишь то, о чем шепчутся люди на проповедях. Конечно, боги не оставят нас, а император защитит.

Напрасно я надеялся уловить в его взгляде что-то, выдающее сбой в игре слов. Почуввав неладное, пронизательный жрец вновь принял личину законопослушного служителя богов. Между двумя этими масками, однако, мелькнула незапланированная щель — едва уловимая насмешка над моей попыткой узнать что-то больше, чем положено.

И все же, наперекор судьбе, Фортуна подмигнула мне. В этом жреце я узнал фигуру, которая сыграет важную партию в *drama futuri* (грядущей драме), чей сюжет только начинал завязываться.

Тем временем зрительный зал был уже полон. Зрители заняли почти все свои места, оживленно переговариваясь и перешептываясь.

Публика собралась самая разношерстная. В основном здесь были мужи от сорока до шестидесяти лет, но встречались и молодые, обремененные интеллектом лица студентов — как правило, отпрысков состоятельных семей со всех концов империи. Разумеется, большую часть публики составляли мужчины; тем не менее, на верхних рядах можно было заметить и женские фигуры, что было скорее исключением, чем правилом.

Удивительно, но место по правую руку от меня — прямо в первом ряду — оставалось свободным. Видимо, тучный господин в красной тоге, протиснувшийся чуть ранее и занявший

аж два места в ряду позади нас, отвлек внимание остальных, и никто не заметил свободное кресло. Между тем, часы пробили полдень: дебаты должны были начаться с минуты на минуту.

Вдруг из-за колонн, скрывавших задник сцены, послышался легкий шум. На глазах у публики появилась стройная женская фигура в пеплосе — тяжелом хитоне с застежками на плечах, поверх которого была полупрозрачная palla (палла) из тонкой ткани. Женщина старалась казаться незаметной, но в переполненном мужчинами зале ее появление сразу же привлекло внимание.

Она торопливо пробиравась к первому ряду, извиняясь перед сидящими зрителями, и, заметив свободное место рядом со мной, направилась в мою сторону.

— Ignosce mihi (извините меня) — обратилась она ко мне, — это место свободно?

— Конечно, — ответил я, — присаживайтесь.

Продолжая извиняться, она опустилась на скамью рядом. Ее грудь заметно вздымалась от спешки, но дыхание быстро выровнялось. Она достала из небольшой сумки платок, вытерла пот со лба и облегченно вздохнула.

Я невольно отвел взгляд, но не из стыда, а из внезапного, почти забытого юношеского смущения, поймав себя на том, что отметил ее естественную красоту прежде, чем успел об этом подумать.

— Хвала Исиде, я успела, — произнесла она с улыбкой, — боги знают, как непросто совмещать роль матери и хранительницы знаний!

— Даже не представляю, — признался я, чувствуя, как теплеют щеки, — но где бы мы были без матерей? Их мудрость, не записанная в свитках, очевидна любому философу.

Она улыбнулась, изящным движением руки откинув полупрозрачную накидку со своего лица.

— Ипатия, — представилась она, слегка кивнув.

— Алексис, — ответил я, улыбнувшись в ответ.

У нее было классическое греческое лицо: овальное, с высокими скулами, длинными темно-русыми волосами, собранными в пучок. Ей должно быть было около тридцати — тридцати пяти лет. В юности ее, должно быть, считали первой красавицей Александрии, и лишь нос с чуть более выраженной линией выбивался из классического канона. Но живой взгляд ярко-голубых глаз и выразительные темные губы придавали облику женщины необыкновенное обаяние.

Едва ли мы успели обменяться репликами под пристальным, слегка ехидным взглядом жреца Исидора, наблюдавшего за нами, как в зале появились долгожданные участники сегодняшнего интеллектуального поединка: великий ученый Клавдий Птолемей и уже знакомый мне Авл Геллий, путешественник и натуралист.

Уже в самом имени Клавдия Птолемея соединялось три мира — римский, греческий и египетский. Его предки, греки из города Птолемаиды, получили римское гражданство более столетия назад и сумели занять прочное место при дворе: сперва у греческих фараонов, затем у римских наместников Египта.

Но ни один из рода Птолемеев-ученых еще не достигал таких высот, как их потомок Клавдий.

С малых лет воспитанный среди фондов великой Александрийской библиотеки, он впитал в себя все соки греко-римской науки. Уже при жизни он стал величайшим астрономом мира, создав «Megale syntaxis» — энциклопедию звездного неба Ойкумены, неустанно трудясь и в других областях науки: математике, оптике, музыке и географии.

Когда Птолемей вошел в аудиторию, весь зал словно застыл: воцарилась абсолютная тишина, и сотни глаз с почтением уставились на фигуру известного ученого.

Забавно, что внешне он совсем не походил на princeps scientiae (первейшего в науке) и скорее напоминал пожилого египетского рыбака, торгующего снедью в порту. Он был облачен

в зеленый плащ-химатион поверх серой сублимы — простую и не взыскательную одежду рядовых граждан. Его редкие волосы были совершенно седыми, как и борода с густыми бровями. Почтенную лысину прикрывала маленькая шапочка.

Длинный крючковатый нос, сутулые плечи и сгорбленная спина говорили о преклонном возрасте — ему было уже за семьдесят, что считалось чудом в эпоху, когда редко доживали и до шестидесяти лет. Но живой, цепкий и даже дерзкий взгляд выцветших карих глаз выдавал в этом старике ум, с которым могли соперничать разве что сами олимпийские боги.

Клавдий Птолемей молча обвел взглядом аудиторию.

— Друзья! — начал он, и, казалось, что взгляд Птолемея пронзил каждого в зале насквозь, — сейчас состоится дебаты, которые, как говорят, многие ждали. Говорят даже, что всю неделю в Большом цирке принимали ставки. Результат — один к пяти против моего оппонента.

Зал оживился, волнами разнесся приглушенный ропот. Люди перешептывались и перелгдывались, кто-то хохотнул.

— Это правда, — шепнула мне Ипатия, склонившись так близко, что я уловил легкий цитрусовый аромат ее духов, — даже моя помощница поставила двадцать сестерциев на победу Птолемея.

— Ого, — ответил я, чувствуя, как этот запах кружит голову, — интересно, а кто будет судьей?

Будто уловив мои мысли, Птолемей произнес:

— Как вы заметили, судей здесь нет, — он улыбнулся уголками губ, — судьями будете вы, присутствующие здесь господа и вольноотпущенники, чиновники и философы, жители и гости. Перед математикой все равны, поэтому у каждого будет один голос.

Кто-то в зале одобрительно кивнул, а несколько молодых студентов даже зааплодировали, чем вызвали недовольство пожилых господ, которые были явно против такого подсчета. Однако атмосфера в аудитории неуловимо изменилась. Идея абсолютного равенства явно подстегнула интерес публики к предстоящему спору.

— К чему же суд людской, когда боги рассудят нас куда справедливее? — раздался звонкий голос Авла Геллия; он влетел в аудиторию стремительно, словно на крыльях, — тем более здесь, в храме Сераписа Величайшего?!

Он буквально сиял. Сегодня он был совсем не похож на оборванного старика, которого мы встретили за городскими воротами в ту снежную ночь. Перед публикой внезапно предстал не усталый путник, а почтенный архонт, преисполненный внутреннего огня.

Его белая тога сидела безупречно, лицо было гладко выбрито, а волосы аккуратно пострижены. В руках он держал длинную трость с костяным набалдашником, и в этот миг она походила скорее на царский скипетр, чем на походный посох. Все его обличье говорило: перед вами настоящий *pater familias* (отец семейства), мудрый магистрат и защитник отечества.

— Как же я рад видеть тебя, мой друг, — с воодушевлением обратился он к Клавдию Птолемею, который кивнул в ответ — и, конечно, вас, дорогие сограждане! Сегодня мы поговорим о богах — и о последних событиях, в которых они замешаны. Или все же нет?

— Разумеется, нет, — холодно и твердо возразил Птолемей, — боги здесь ни при чем. Все, что мы наблюдаем, не чудо, а неизбежное следствие устройства космоса.

— Напротив, — тут же не уступил Геллий, — мы с вами свидетели прямого вмешательства богов в дела смертных. Я видел это своими глазами. И предел такого вмешательства еще предстоит осознать.

В этот момент толпа ахнула; люди зашептали: «Апофис... Змей... Конец времен...». Мне так и хотелось добавить: Апофис — реален, он не миф и не порождение страха. Но слова застряли в горле, а мысль затерялась в чертогах разума.

Авл Геллий посмотрел в мою сторону, и мы без слов поняли друг друга. «Но если это правда, — подумал я, — были ли это боги, друг мой?».

— Мы достоверно не знаем, что это было, — спокойно произнес Птолемей, — последние события, безусловно, необычны. Но у нас нет оснований утверждать, что это было божественное вмешательство и тем более вмешательство, не знающее известных пределов.

Краем глаза я уловил движение рядом: жрец Исидор, откинувшись на спинке кресла и скрестив руки на груди, едва заметно усмехнулся, словно сказанное было понятно только ему одному.

— Согласна с ним, — шепнула мне на ухо Ипатия, — не вижу здесь прочной связи с богами.

Я хотел ответить, но диалог на сцене продолжился. Авл Геллий резко подался вперед, и голос его прозвучал уже не как возражение оппоненту, а как обращение ко всей аудитории:

— Да ну? — воскликнул он, — бойня в центре города, массовые исчезновения, ритуальные убийства — этого вам мало? Разве это не явный знак того, что боги уже здесь?

Клавдий Птолемей парировал:

— В Александрии Египетской, втором городе империи, — спокойно сказал он, — подобные происшествия не заслужили бы и строки в *Acta Diurna* (ежедневных новостях). В лучшем случае глашатай упомянул бы их так, мимоходом: между ценами на зерно и жалобами на крыс в порту.

В зале прокатилась волна смешков, раздались аплодисменты. Но я не смеялся. Великий ученый мог недооценивать опасность, но я-то видел все собственными глазами — и назвать это «обыденностью» язык не поворачивался. Впрочем, ошибаются и великие, и очевидцы событий. Это мог подтвердить любой опытный *praetor urbanus* (городской претор, судья).

В этот миг Исидор, нахмурившись и не отрывая взгляда от сцены, едва слышно пробормотал:

— Смех смертных рождается в тишине богов...

Я поежился. Слова жреца могли быть и невинной ремаркой, но мне в его тоне послышалось предупреждение.

Авл Геллий, не желая давать преимущество оппоненту, поднял руку. Его жест был символическим, почти жреческим. Смех стих, зал нехотя вернулся к тишине, хотя напряжение в воздухе ощутимо возросло.

— Друг мой Клавдий, ты всю жизнь изучаешь звезды. Не станешь ли ты отрицать, что это — не просто светила, а посланники богов? — спросил Авл Геллий, пристально глядя на оппонента.

— Дорогой Авл, я готов рассматривать звезды как символы, даже божественные. Но, боюсь, ты ошибаешься. Небо лишь часть целого, и подчиняется извечным законам природы. Как день и ночь, рассвет и закат, жизнь и смерть, — спокойно возразил Птолемей.

По аудитории пошли шепотки. Геллий покачал головой, выждал тишину и вновь ринулся в атаку:

— Но разве не очевидно, что последние события совпадают с астрономическими явлениями? — воскликнул он, взмахнув тростью, — разве ты сам не видел комету в небе всего несколько дней назад? — он многозначительно поднял палец вверх, к сводам храма, — и разве ее появление не совпало с явлением змея, которого видел я и назвал не иначе, как Апофис? Ну или Пифон, если тебе так привычнее.

В зале засмеялись. Но Клавдий Птолемей оставался непоколебим. Задумчиво выдержав паузу, он произнес:

— Возможно... Но это лишь совпадение. Даже если принять на веру сам факт появления этого чудовища, — ученый слегка пожал плечами, — мы, люди, склонны искать логику даже

там, где царит случай. Такова наша природа. Да и огни в небе вспыхивают каждую ночь. И ты знаешь это не меньше моего, друг мой.

— Разумно, не так ли? — прошептал Исидор рядом со мной, и уголки его губ тронула усмешка, — признавать главенство хаоса над порядком? Ведь хаос первичен, и он рождает все.

Я невольно вздрогнул от его слов, ощутив тонкую подмену смысла фразы, сказанной великим ученым.

— А я так не думаю, — тихо возразила Ипатия, услышав реплику жреца, — годы, потраченные мной на изучение законов природы, убеждают меня в обратном. В том, что...

— Хаос — лишь иллюзия... Разум человека создан, чтобы находить в нем закон, — заключил я.

Ипатия кивнула, ее глаза засветились одобрением. Я поймал себя на странном, но теплом чувстве. Казалось, что в шуме зала мы говорили на одном языке.

Тем временем Авл Геллий не унимался, продолжая напирать на неприступного Птолемея.

— Но как же тогда быть с предсказаниями? — воскликнул он, — разве Дельфийский оракул не говорил о будущем, опираясь на знаки с небес? Разве это совпадение? Не думаю!

Клавдий Птолемей рассмеялся, и его кашляющий смех, сухой и насмешливый, эхом прокатился по аудитории.

— Оракулы, друг мой, — это не провидцы, а лишь интерпретаторы реальности, — произнес он, — даже цари и императоры жаждут услышать легкие ответы на трудные вопросы, и, если какие-то из них найдены с помощью звезд, это не значит, что боги испытывают наши судьбы.

По залу прокатился смешок, кто-то снисходительно хмыкнул, а несколько пожилых нобилей утвердительно закивали, явно поддерживая Птолемея. Но были и те, кто переглядывался с недовольством: вера в богов и оракулов жила даже здесь, в Александрии, в центре просвещения и науки.

Авл Геллий нахмурился, словно обдумывая свою реплику, и, расхаживая по оркестре, с жаром возразил:

— Но взгляни на историю великих держав — Египта, Эллады, самого Рима! Разве мало примеров, когда величайшие события совпадали с редкими астрономическими явлениями? Разве не с кометой ушел Цезарь — и с ней же родилась новая власть? Что это, если не свидетельство высших сил?

— Свидетельство? — Птолемей вскинул бровь, — или игра воображения? Я утверждаю: в конечном итоге мы должны полагаться не на наблюдение за природой, а на разум человека — единственный и самый верный ключ к познанию.

В этот раз зал загудел громче: одни одобрительно хлопали, другие же, напротив, шумно возмущались. Атмосфера накалялась.

Клавдий Птолемей развернулся к аудитории. Старческие глаза его неожиданно засияли, голос, еще секунду назад дребезжащий, прозвучал неожиданно твердо:

— Лишь разум ведет нас вперед, а не мифы и легенды, дорогие сограждане! Математика — наш путеводитель, а опыт — верный Буцефал, несущий нас к победе над стихиями.

Авл Геллий от эти слов будто встрепенулся, яростно воскликнув:

— Не значит ли это, друг мой Клавдий, что ты отрицаешь существование богов?!

Зал замер, затаив дыхание.

Лицо старого ученого не дрогнуло, но внимательный зритель вблизи заметил бы хитринку в его взгляде. Я был уверен, что Ипатия ее тоже уловила. Как и Исидор.

— Можно ли отрицать небо, землю, воду, звезды? — спокойно ответил Птолемей, — скажи хоть десять раз, что их нет — они все равно будут существовать.

— Вот! — с торжеством заключил Геллий, — ты сам себе противоречишь! Наши судьбы переплетены с макрокосмосом, а через него — с богами. Разве не прекрасна мысль, что мы связаны с ними?

— Связаны, — кивнул Птолемей, — но не значит, что мы куклы в их руках. Мы пристально изучаем природу и звезды ради пользы всех людей.

И, лукаво прищурившись, он добавил:

— И с благословения бессмертных богов. В этом истинная сила человека!

Зал шумно зааплодировал. Повсюду раздались характерные возгласы: «Vene!» (Хорошо!), «Feliciter!» (Превосходно!) и даже «Dignus!» (Достойный!) — высшая форма одобрения для оратора. Но Авл Геллий не унимался.

— А как быть с Апопом-Пифоном? — возразил оппонент, — я видел его сам! Люди шепчутся о конце времен. Что скажешь им ты?

В этот момент зрительный зал замер, и воцарилась тишина, будто имя древнего бога прозвучало как *stimulus memoriae* (укол памяти), триггер, парализующий толпу. Публика замерла в предвкушении ответа, а вместе с ней и я.

— Cave canem (берегись собаки), — медленно, почти нараспев, произнес Птолемей, — историю творим мы сами, и звезды лишь могут подсказать дорогу. Следите за собой, будьте осторожны!

Казалось, что этот ответ Авл Геллий и ожидал. Почтительно выдержав паузу, он добавил:

— Мне сложно спорить с величием твоей мысли. Но я опираюсь на опыт. Побывав во всех уголках империи, в ситуациях, когда жизнь моя висела на волоске, только боги спасали меня от страшной смерти. Вдалеке от дома, в песках Месопотамии, в сарматских степях, когда жизнь зависит от случая, думаешь по другому. И ничто и никто меня в этом не переубедит, даже ты, — твердо закончил он.

— Мне нечего добавить. Если это помогает тебе жить — это добродетель, которую я приветствую, — спокойно парировал Птолемей.

Спор длился еще какое-то время, но я уже потерял его нить. Меня так увлекла моя новая спутница, что я почти забыл, зачем сюда пришел. Если бы не Исидор, с ухмылкой сидящий рядом, можно было и вовсе подумать, что вся чертовщина последних дней мне просто привиделась.

— Дорогие слушатели, — наконец сказал Авл Геллий, — поднимите левую руку те, кто считает, что убедительнее был я, ваш покорный слуга, и правую руку те, кто считает победителем Птолемея.

Люди начали голосовать. Исидор поднял левую руку, Ипатия — правую. Я оглянулся. Голосов было примерно поровну, хотя большая часть все же была за Птолемея.

Я поднял правую руку. Прости меня, мой друг Геллий, но Клавдий Птолемей показался мне убедительнее.

— Поздравляю тебя, дорогой Клавдий, — сказал Авл Геллий, улыбнувшись. Он резко подскочил к своему визави и по-дружески обнял его. Старый Птолемей даже слегка растерялся, но под аплодисменты и возгласы публики с улыбкой похлопал путешественника по плечу.

Авл Геллий ничуть не огорчился поражению, ведь внимание публики перед выходом его книги о чудесах света было куда желаннее победы. Тем более перевес в голосах был совсем небольшим, что ему явно льстило. Да и где можно прославить свой труд, как не в культурной столице греко-римской империи?

Дебаты завершились мирно, зал постепенно пустел. Публика оживленно обсуждала услышанное, не разочарованная исходом. Хотя, поглядывая на Исидора, я понял, что некоторые явно ждали большего накала. Жрец выглядел слегка мрачноватым. Его взгляд скользил по расходящимся в толпе людям, словно выискивал кого-то.

Я посмотрел в ту же сторону, и на миг, всего лишь на миг мне показалось, что я увидел в толпе знакомый женский силуэт в хитоне, из-под которого струилось голубое платье из тончайшей ткани. Платье, которое я видел уже целую вечность назад...

Сирена? Неужели она была здесь?

Я принялся лихорадочно выискивать среди удаляющихся людей загадочный силуэт, но он быстро растворился в толпе...

Должно быть это просто иллюзия, игра воображения. Я закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Звуки толпы на мгновение затихли, и мне показалось, что я уловил едва слышимый запах жасмина и лотоса...

Сирена была подобна сну, ускользающему при пробуждении, но оставляющему след, пряный аромат, странное волнение в крови. Она тянула меня вглубь, к тайне, к бездне. И я не знал, чего ищу — ответы или опасность.

Лишь серебряное кольцо напоминало о том дне. Я открыл глаза и посмотрел на него. Надпись красиво переливалась в лучах вечернего солнца.

«Это пройдет», — прочитал я. Что же, может оно и к лучшему... Но сердце почему-то говорило об обратном.

— Вам не понравилось? — спросила Ипатия, когда мы все вместе направились к выходу.

— Нет-нет, — ответил Исидор безразлично, — результат спора меня вполне устраивает. Но чего только не скажут умные мужи, чтобы спрятать правду.

Я промолчал. Его слова звучали вполне спокойно, но в них сквозило нечто другое. Ни один мускул на его лице не дрогнул, но его глаза, прозрачные и холодные, походили на осколки льда.

— Какую? — спросил я, и холодок пробежал по моей спине, не смотря на жару вокруг.

— Я всю жизнь ощущал, что мир не в порядке. Странная мысль, но ее не отогнать. *Captivi in spelunca* (узники в пещере), — мрачно сказал он, а потом добавил почти шепотом, сделав так, чтобы его слышал только я, — мы лишь рабы: с рождения в тюрьме, с рождения в цепях, которых не почувшь и не коснешься. В темнице... Для разума.

Он произнес это с такой ясной, холодной уверенностью, что она обожгла меня изнутри, как горячий пустынный ветер, приходящий из глубины Сахары.

Неожиданно толпа пришла в движение. Исидор, не прощаясь, просто исчез, увлекаемый людским потоком.

Вдруг люди начали давить со всех сторон, и невольно стало страшно. Ипатию резко потянуло куда-то в сторону, и она испугалась. Ни о чем не думая, я протянул ей руку, дабы вытащить из толпы. Сомневаясь лишь мгновение, она крепко сжала мою ладонь. Резким движением я вытащил ее из потока и прижал к себе, приобняв за спину. Мы молча стояли в стороне и ждали, пока толпа рассосется окончательно, после чего, слегка смущенные, вышли из зала.

Я оглянулся вокруг. Исидор исчез. Но его слова — «*captivi in spelunca*» — сковали мои мысли. Они звучали не как мнение, а как *тахіма*, высшее правило. Возможно, Исидор прав. Все мы — узники в пещере, и истинный мир сокрыт от наших глаз... Но страшило иное. Похоже, что страж у входа в пещеру был куда древнее и безжалостнее, чем мы могли вообразить.

И что будет, если он решит провести узников?

Я вызвался проводить Ипатию домой, хотя мне еще предстояло вернуться во дворец префекта с докладом. Но поскольку дебаты завершились быстрее, чем я ожидал, у меня оказался лишний час. Я быстро убедил себя, что за этот час мир не рухнет и это всего лишь жест вежливости... Хотя мой внутренний судья лишь усмехнулся в ответ.

Стояла удивительно ясная погода, солнце постепенно клонилось к западу. Александрия жила своей привычной жизнью, но над этой оживленной картиной, как легкая дымка, витало

неясное беспокойство. Люди смеялись, спорили, торговались, дети носились сломя голову, — и все же время от времени кто-нибудь из прохожих оборачивался через плечо или бросал осторожный взгляд.

Слухи о конце времен тревожили горожан, и даже тот, кто отмахивался от них, ощущал смутную тревогу.

Здесь и сейчас я старался не думать об этом. В редкий свободный миг мне хотелось просто забыть о тревогах и насладиться обществом новой знакомой.

Мы шли по широкой улице, рассчитанной на встречный разъезд, от самого Серапиума до величественного Фароса. Навстречу попадались всадники на верблюдах и лошадях, слышалась персидская и греческая речь. По обе стороны улицы тянулись дома знатных вельмож, фасады их украшали ухоженные клумбы и цветники, за которыми неустанно присматривали садовники. Между пальмами и кипарисами белели статуи богов и героев. А в небольших ротондах можно было заметить учителей и философов, окруженных паствой всех возрастов: от малышей до стариков.

— Давно вы живете в Александрии? — спросил я первое, что пришло в голову.

— Всю жизнь, — улыбнулась Ипатия, — и мама, и папа работали в библиотеке. Помимо Логоса, у них было много общего... В конце-концов, этим общим оказалась я, — улыбнулась она и поправила волосы.

— Значит вы наглядный пример того, как тяга к знаниям рождает любовь, — улыбнулся я.

— Да, я родилась среди свитков, и с ними же мне суждено умереть. Ведь мы в центре знаний всей империи. Ни Афинам, ни Антиохии, ни даже самому Риму не сравниться с Александрией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.